

ЛАРИСА
СОБОЛЕВА
ЭТО ЗНАЛ ТОЛЬКО БОГ

ТАМ,
ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ
С ПРОШЛЫМ,
ВОЗМОЖНЫ
НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ
СУДЬБЫ...

ДЕТЕКТИВ
ПО НОВЫМ
ПРАВИЛАМ

Лариса Соболева
Это знал только Бог

«АСТ»

2006

Соболева Л.

Это знал только Бог / Л. Соболева — «АСТ», 2006

ISBN 5-699-19273-5

Это знал только Бог. А теперь знает человек, знает и пользуется знаниями, применяя изощренные, циничные методы. Но ставка слишком велика: миллионы долларов, роскошные дома в лучших уголках мира, яхты. Получить все сразу – слишком соблазнительная ловушка для предприимчивых людей. Они здорово играют на чужой любви, ответственности и разлуке. Они манипулируют чужими жизнями, как боги, и в их руках страшное оружие – генетика. Роман состоит из двух остросюжетных историй, которые излагаются одновременно, разумеется, чередуясь. Послевоенные пятидесятые и современный мир, кажется, абсолютно не связаны, но начало современной истории в пятидесятых прошлого века. Ранее книга издавалась под названием «Инструмент богов».

ISBN 5-699-19273-5

© Соболева Л., 2006

© АСТ, 2006

Содержание

1	5
2	11
3	17
4	23
5	31
6	37
7	43
8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Лариса Соболева

Это знал только Бог

1

Виски со льдом посреди пустыни – нереально. Примерно так и выглядела просьба Никола Ландера – нереальной, но Вячеслав внимательно выслушал его, не перебивая. Перебивающий человек создает впечатление чего-то несерьезного. Впрочем, данная точка зрения может быть ошибочной, просто Вячеславу не безразлично, какое создастся о нем мнение (о, как много значит здесь репутация). Вячеслав шел, тактично на шаг отставая от него, секретарь мистера Ландера вообще сзади скользил, как шлейф. Линдер сразу определил дистанцию между собой и Вячеславом – уважительную, даже слегка дружескую, как это ни странно, тем не менее амигошества лучше избегать.

– Ну, вот, пожалуй, и все, – сказал Линдер, когда они подошли к столику на лужайке под огромным деревом. На белоснежной скатерти только клубника в вазе и шампанское в ведерке. Линдер пригласил присесть: – Прошу вас, господин Алейников.

Вячеслав уселся в плетеное кресло, догадавшись, что скромный стол накрыт для него. Не густо, а он не завтракал, перехватил на ходу чашку кофе. Несмотря на жару, после поставленных задач, обманувших ожидания Вячеслава, неплохо бы хряпнуть рюмашку холоденькой водочки, закусить соленым огурцом и сальцем из морозилки. Это тоже неосуществимая мечта, ибо Вячеслав находился... страшно подумать. В Бразилии! Наши остряки немедленно бы пошутили: в Бразилии, где много диких обезьян. Пока Вячеслав ни одной обезьяны, даже прирученной, здесь не видел, диких тем более.

– Вы согласны, господин Алейников? – спросил Линдер.

Вячеслав поднял на него глаза, медленно втягивая носом воздух в легкие, а по сути, размышляя, как ответить Линдеру, чтоб тот не послал его напрямик туда, откуда он прибыл. Когда еще удастся побродить по бразильской земле, искупаться здесь в океане? Наверное, больше никогда. А шум прибора так заманчиво лез в уши...

Встретившись глазами с Линдером, Вячеслав немного расслабился. Этот господин в свои годы недурственно сохранился. Он высок и прям, в меру худ, нетороплив – да, но при всем при том энергичен, не лишен располагающей притягательности. Вот поэтому Вячеслав и почувствовал себя более-менее сносно, не заметив надменности, ведь когда летел сюда, изрядно волновался: не приходилось ему запросто беседовать с господами такого ранга.

– Вам надо подумать? – расценил по-своему паузу Линдер.

А что тут думать? Извините-с, дело дохлое – ответ готов. Вячеслав, положив руку на сердце, расстроился. Пять лет прожил в Америке, ему исполнилось тридцать пять, а знаменитая американская мечта упорно игнорирует его, хотя он манны с неба никогда не ждал. И вдруг звонит друг: есть работа, выполнишь задание – получишь кучу баксов, свяжись по такому-то телефону, там о тебе знают. Связался, прилетел, а задание из области фантастики: поезжай в Россию, найди то, не знаю где. Но старик смотрел на него с тем ожиданием, будто Вячеслав – его последняя надежда, неловко отказывать.

– М-да, – кивнул он. – Надо подумать. Задача очень сложная...

– Я знаю, дело сложное, – согласился Линдер. – Но ничего невозможного нет. Мне кажется, человеку из России, особенно такому, как вы, будет проще этим заняться.

Вячеслав отвлекся на слугу в белых перчатках и смокинге (в жару-то), разливающего в бокалы шампанское. Все необычно, как в кино. Вячеславу страшно не хотелось попасть впро-

как со своим незнанием и неумением, а он постоянно отвлекался, забывал контролировать себя. Вспомнил, что слуга – это пустое место, атрибут, спросил Линдера:

– А раньше вы не пробовали искать?

– С тех пор как убедился, что в России действительно наступили перемены, активно вел поиски. Девять лет. Раньше боялся навредить ей.

– Ну вот видите, девять лет!.. – развел руками Вячеслав и тут же опустил их на колени.

Черт, это от неуверенности он то руками машет, то по сторонам глазееет, то говорит невпопад. Удивительное дело: мистер Линдер сидит почти без движений, а совершенно раскован.

– Человек – не иголка, – сказал Линдер.

– Просто вы плохо знаете, как у нас легко затеряться.

– Не так плохо, как вы думаете. Я бежал из Советского Союза в пятьдесят шестом. И не понаслышке знаю, как легко люди там пропадали.

Вот откуда его безупречный русский!

– Простите, – счел своим долгом извиниться Вячеслав.

– Не стоит извиняться, – улыбнулся Линдер. – Вы, человек другого поколения, даже не представляете, как жилось в то время, хотя, наверное, и слышали. Не всем желающим удалось удрать оттуда. Давайте, господин Алейников, чокнемся по-русски.

Чокнулись, выпили. Линдер – глоток, Вячеслав только на половине вспомнил, что пить до дна в этих кругах не принято, а холодная газировка с легкими градусами классно охлаждала, но он остановился. Треклятое волнение, будто на экзамене, от которого зависит вся его дальнейшая жизнь, а ведь уже не зависит.

– В пятьдесят шестом? – переспросил он. – Вы представляете, сколько ей лет? – При условии, что она вообще жива.

– Столько же, сколько мне: семьдесят восемь.

Вячеслав чуть не поперхнулся и не сказал: дедушка, по статистике, у нас так долго не живут, а если живут, то в горах, где орлы летают. Вовремя спохватился.

– Боюсь, когда вы ее найдете... немного... разочаруетесь.

И опять невпопад. Бестактность. Ну не прошел Вячеслав школу учтивости. Взял и грубо намекнул: ни бабушка вас не узнает, ни вы ее, разве что испугаетесь оба друг друга.

– Вы только найдите, а уж я не разочаруюсь, поверьте.

Старик сказал это так тихо и так проникновенно, что у Вячеслава дрогнуло сердце. Вместе с тем он терялся в догадках: на фиг ему бабка из России? Для любви, пардон, возраст не тот и у него, и у нее.

– Я понимаю, она, быть может, не дожила до этого дня, – между тем продолжил Линдер, – но хочется верить, что жива. Нет, верю. Мне вы симпатичны, господин Алейников, я бы очень хотел, чтобы вы, именно вы взялись за поиски. Я справлялся о вас, получил самые положительные рекомендации. В России вы занимались поисками, не так ли?

– Поисками преступников, – уточнил Вячеслав. – К тому же я был рядовым работником милиции и, как у нас говорят, звезд с неба не хватал.

Классно ввернул и про работу, и про звезды. Это намек: я не справлюсь.

– Никто не знает, когда и кому предстоит поймать звезду, – сказал Линдер. – Возможно, сейчас настал ваш час. Мое задание, может, не столь опасно, как поиски преступников, но по вашей специальности. Где вы остановились?

– В городе. В отеле.

– У меня вам будет удобней и безопасней. Через три дня я лечу в Нью-Йорк, потом в Лондон. Если вы согласитесь, полетите со мной в Лондон, затем в Москву. Три дня хватит на размышления?

– Да, конечно. Только мне надо съездить за вещами.

– Ваши вещи привезет Саймон, мой секретарь.

– Сэр? – наклонился Саймон, все время стоявший у шефа за спиной, как пограничный столб.

Линдер ничего ему не сказал, о чем-то задумался. Машинально он взял клубнику и положил в рот, медленно прожевав, проговорил:

– Мокро – и только. – Линдер бросил салфетку на стол. – В России клубника пахнет солнцем и поцелуем.

Вячеслав заерзал, чтоб скрыть усмешку: ну, старик и дает! К чему-то о поцелуях заговорил. И вообще склонен к разглагольствованиям, наверное, думает, что он философ. Очнувшись, Вячеслав спросил:

– Вы скучаете по России?

– Отдыхайте, господин Алейников, – проигнорировал вопрос Линдер. – Пейте шампанское, ешьте клубнику, плавайте. Бассейн и гардероб, где вы подберете себе все для купания, вам покажут. Вашу комнату тоже.

– Мне бы в море... то есть в океане...

– Как вам будет угодно. – Старик поднялся, подскочил и Вячеслав. – Сидите, сидите. Будете плавать в океане, не расслабляйтесь – опасно, здесь все же не пляж. Я люблю первозданную природу, поэтому ничего не нарушал на берегу. Да, можете воспользоваться яхтой, аквалангом, если любите подводное плавание. Но обязательно возьмите кого-нибудь из моих людей. Если захотите познакомиться с пляжами, берегите карманы и не берите с собой ценных вещей, оставьте даже часы, иначе их снимут у вас на глазах, а вы не заметите.

Линдер, поражая статью, двинул к белоснежному дворцу, за ним, как тень, последовал Саймон, а Вячеслав развалился в кресле, вытянув скрещенные ноги и чувствуя спад напряжения. Он достал сигареты, закурил, небрежно кинул пачку на стол.

Дедушка перегнул палку: по вашей специальности! Поскольку Вячеслав обладает плохим качеством для современного человека – честностью, ответ у него, безусловно, готов: НЕТ. Причина: бабушка за полста лет успела двадцать раз выйти замуж, соответственно, столько же раз сменить фамилию, десять раз переехать с Кубани на Камчатку. В конце концов, дать дуба, что в современных российских условиях вполне реально. Не стоит уповать на компьютеры, архивы, милицию. Там сведения испаряются, как роса, а документы обретают крылья и вылетают в форточку. Вячеслав изредка летал в Россию, знает, что почем, но всегда возвращался в Америку, еще надеясь на везение, потому что молод и амбициозен. Казалось бы, повезло, Линдер предложил работу... И в то же время какое-то сомнительное везение...

Он покосился на слугу, стоявшего рядом с лицом каменного идола с острова Пасхи. Указав на шампанское двумя пальцами, между которых была зажата сигарета, сказал по-русски:

– Чего стоишь? Наливай.

Тот, явно не знающий ни слова по-русски, понял.

На другом конце земного шара крупные хлопья снега залепляли лицо, а день – и без того короткий – раньше времени превратился в густые сумерки. Снег коварно присыпал образовавшийся после оттепели гололед. Далила с опаской переставляла ноги в сапогах на высоких каблуках, держа в руках полные сумки. На самых скользких участках она останавливалась, ища безопасное место в обход и жалея, что не надела сапоги без каблуков. Ночью началась оттепель, а днем резко понизилась температура, повалил снег.

С горем пополам Далила добралась до остановки, поставила сумки на скамью и отерла лицо от влаги. Косметика, наверное, размазалась, хотя какая разница – все равно домой. Подошла еще одна женщина, примерно возраста Далилы, но, в отличие от нее, выглядевшая на все свои паспортные данные.

– Ну и погода, – заскрипела женщина, сразу став неинтересной Далиле. Такие всем и всегда недовольны, им и солнце светит то слишком жарко, то слишком тускло. – Просто напасть. Давление скачет...

– Мне нравится, – обрубил Далила, чтоб брюзга отстала.

Она не лукавила, ей нравилась всякая погода, главное – одеться соответствующе. Подошел троллейбус, Далила нашла свободное место, уселась и набрала номер на мобильнике. Дочь не ответила уже который раз за сегодня. Миле вот-вот рожать, живет она в другом городе, а Далила работает и не может поехать к ней, когда вздумается. Зятю позвонить не успела, так как троллейбус подполз к конечной остановке.

Далила вышла и, посмотрев на группу домов вдалеке, затосковала: идти и идти на каблуках, времени будет потрачено втрое больше, а устала... мрак! Она поплелась к дому, мечтая, как сначала немного отдохнет, выпьет кофейку с ложкой коньяка, выкурит одну сигаретку (никак не бросит эту заразу) и поболтает с соседкой.

Микрорайон новый, не застроен полностью, посему здесь простор, как в степи... Правда, от остановки до жилых домов степь окультурили: протянули широкую пешеходную дорожку, вымостили квадратными плитами, посадили несколько деревьев, по обеим сторонам дорожки летом растет газонная трава. Бордюров, отделяющих газон от пешеходной тропы, нет, поэтому нахалы, чтоб не мчаться в объезд, бессовестно ездят здесь на автомобилях.

Услышав рев мотора за спиной, Далила решила посмотреть, кто это тут разъезжился, через плечо оглянулась...

На нее, не собираясь объезжать, мчался автомобиль. Далила подумала, что на заледенелой дороге свернуть невозможно, надо самой отойти, чтоб не попасть под колеса. Отошла в сторону на пару шагов, а крыло авто все равно ударило по заду. Далилу закрутило после удара на одной ноге, она рухнула плашмя на живот. Да так быстро случилось столкновение и падение – толком не разобралась, что произошло, не почувствовала боли. Подняв голову, заметила: автомобиль удаляется на огромной скорости. Вдруг он довольно легко развернулся и поехал назад. Глаза Далилы расширились: несется прямо на нее!

Мгновенно заработала мысль: сейчас задавят, как собаку или кошку на дороге. Поскольку Далила не из тех, кто бросает жизнь под колеса, она не растерялась, а сгруппировалась, не отводя глаз от машины. Когда поняла, что придурки даже не думают тормозить, перекатилась несколько раз в сторону. Машина проехала по тому месту, где только что лежала она! Нет, у этих уродов явное намерение ее задавить.

Раздался оглушительный свист. Кто-то бежал и свистел. Далила вновь подняла голову, увидела разворачивающийся автомобиль и готовилась к новому наезду, в это время над головой раздалось:

– Давайте помогу.

Она не ответила, смотрела на автомобиль, который, сделав два круга, умчался. А ее уже поднимали, одновременно молодой человек говорил:

– Развлечение нашли, экстремалы хреновы.

– Это вы свистели? – спросила Далила, не успевшая как следует испугаться.

– Я. Надо же было их остановить.

– Спасибо.

– Вы ушиблись?

– Не очень. Идти смогу.

– Я помогу вам. – Он взял сумки, подавленные колесами, предложил держаться за него, оба двинули к домам. – Номер видели?

– Нет. Я вообще-то ничего не сообразила. Давно жильцов подбивала написать властям, чтоб фонари поставили, темень же ночью... А что это было?

– Не поняли? Вас давили. Ублюдкам нервишки пощекотать захотелось, эксперименты устраивают над людьми. Я оставлю вам телефон, если надумаете заявлять в милицию, пойду в свидетели.

– Обычно отказываются идти в свидетели, – улыбнулась Далила, тронутая до глубины души оказанной помощью. – Мы пришли... Может, кофе?

– Нет-нет, спасибо, я тороплюсь.

– А как же мне вас отблагодарить?

– Да никак. Вот моя карточка, звоните, если что.

Дома, осмотрев содержимое сумок, Далила выкинула испорченные продукты, ну а пеленки с распашонками все равно стирать. Устроилась на кухне с чашкой кофе, после второго глотка до нее дошло: полчаса назад она находилась в шаге от смерти. Затрясло. Вон как устроено: не думал, не гадал, а смерть бах – тебя и нету. Далила выпила коньяк, который обычно добавляла в кофе, почувствовала, как ноют поясница и нога – удар, оказывается, был сильным. Ничего, пройдет. Набрала номер – Мила не ответила, набрала второй, услышав зятя, сказала:

– Это твоя теща. Почему Мила не отвечает?

– Не волнуйтесь, она в больнице.

– Началось?! – занервничала Далила. – Когда?

– Днем. Я сообщу, как только родит.

Далила положила трубку и взялась за сигарету. Сигарета теперь как транквилизатор, значит, будет выкурена не одна. Тоскливо сидеть в одиночестве, Далила позвонила соседке, та мигом примчалась и услышала новость:

– Все, прощай молодость, начинается старость, и меня от нее отделяет всего лишь рождение внука. Милка рожает.

– И-и-и! – завизжала Настасья, миловидная платиновая блондинка тридцати шести лет, легкомысленная кокетка, но в этом ее прелесть. – Выпить есть?

– А то! Садись. А на меня только что наезд был.

– Начальство бесится? – спросила Настасья, плюхаясь на стул.

– Какие-то подонки на машине пытались задавить, представляешь? Сбили. То есть удар пришелся по заднице справа, я крутилась на одной ноге, как балерина, потом грохнулась. А они развернулись и снова на меня поехали. Нет, клянусь! Ехали прямо на меня, представляешь? Я, как спецназовец, из-под колес кубарем выкатилась, а потом незнакомый парень спас. Поясница болит... Ты сама поищи закуску, а?

Настасья вскочила; изучая холодильник, советовала:

– Обязательно сходи на рентген, как бы перелома костей не было. И что, просто так – взяли и наехали?

– Угу. Парень сказал: развлекаются сейчас так. Слушай, страшно жить.

– Ой, не говори. – Настасья пожарила яичницу, нарезала сыр, колбасу, хлеб. – У тебя сейчас опасный период, Далила. Сколько тебе стукнуло?

– Слушай, вот это не надо, – гася сигарету и беря другую, сказала она. – Мне двадцать девять и несколько месяцев... Ну, пусть будет тридцать. Все.

– Хорошо, ты младше меня, тебе тридцать... как твоей Миле, – без иронии согласилась Настасья. – Прекрасно. Часто как раз в этот период идет наступление астральных сил, причем сил низменного уровня...

– Настасья, я тебя умоляю, – застонала и рассмеялась одновременно Далила. – Астральные силы! Стыдно быть такой наивной.

– Послушай меня хоть раз! Смотри: с тобой второй раз случается странное явление, а ты благополучно избегаешь смерти.

– Что ты имеешь в виду? – озадачилась Далила.

– Сегодня на тебя наехали подонки, а что было позавчера?

– Ты про глыбу льда, которая с крыши свалилась?

– Вот! – потрясла ножом Настасья. – Глыба льда! Но ты испугалась собаки, побежавшей на тебя, прижалась к стене...

– А глыба упала перед моим носом, – закончила Далила. – Ну и что? Я больше не хожу вдоль стен домов, выбираюсь на дорогу.

– Не понимаешь. – Настасья присела, налила себе и подруге по рюмочке. – У тебя полоса невезения. Низменные силы хотят тебя искалечить или даже убить, а высшие силы посылают спасение в виде собаки... И юношу. Тебя выбрали и ведут борьбу за твою жизнь.

– И что теперь делать? – Далила засомневалась в правоте своих взглядов.

– Возьми больничный и посиди дома недельку. За это время стихии астрального мира переберутся, а ты будешь жить дальше до старости.

– Пожалуй, возьму.

– Ну, давай за твою Милу, – подняла Настасья рюмку. – Чтоб у нее роды были легкими, а внук родился крепким и здоровым... Неплохой коньяк. Далила, а у меня друг появился.

– Какое счастье! – скептически хмыкнула та, ибо «друзья» у Настасьи появлялись довольно часто. – Может, теперь перестанешь копаться в астралах?

– Я знала, что он появится, – закусывая, сказала Настасья. – Все приметы на это указывали. Утром проснулась и вижу: облако в комнате. Как только поняла, что мне знак явился, облако растаяло. Потом еще видение было...

– Настасья, я с тобой с ума сойду. Две сумасшедшие на одной площадке – это опасность для всего дома.

– Хорошо, не буду. Кофе поставить?

Пили кофе и коньяк, а Далила мыслями была с внуком, который вот-вот должен появиться на свет.

2

Вячеслав сполна вкусил истинно богатой жизни, когда ни о чем не надо заботиться, за тебя это делают другие. Старик Линдер свалил неизвестно куда, а Вячеслав и на яхте катался, разумеется, не один, потому что не умеет ею управлять, учиться ни к чему – яхты у него никогда не будет. И под водой плавал, правда, акул не встретил, но был готов сразиться с ними. Он и на лошади... ходил шагом, скакать нет навыков. В общем, набрался впечатлений на всю оставшуюся жизнь. И ни разу не задумался о той цели, ради которой его пригласили сюда.

Линдер прикатил на третий день, за обедом ни словом не обмолвился, мол, вы согласны работать? Значит, основной разговор состоится вечером, к нему и готовился Вячеслав, а также собирал вещи, не предполагая, что ждут его большие сомнения. К сомнениям привел звонок приятеля из Штатов – друга бывшей жены (не того, с кем спят, а в прямом смысле), который перешел к Вячеславу по наследству.

– Вичес (Вячеслав адаптировал имя к своему американскому вкусу, имя закрепилось, в американских документах он так и значится – Вичес), как у тебя дела?

– Скорей всего, вылечу завтра.

– Ты дал согласие на предложение Линдера?

– Думаю, его задание не под силу даже бывшему КГБ.

– Отказался?? Идиот! Вы, русские, все тронутые.

– Это ваше американское заблуждение, – ввернул Вячеслав.

– Он платит миллион долларов!

– Повтори, что ты сказал? – выдавил Вячеслав. – Ско-колько?

– Миллион. Будь уверен, Линдер слов на ветер не бросает. Я бы сам полетел искать его каргу, если б знал русский. Вичес, такой шанс выпадает раз в жизни и одному из миллиарда.

Вячеслав кинул мобильник на кровать и, мягко говоря, задрожал. Миллион! За то, чтоб найти могилу бабушки? А если бабуля жива?..

– О! – выдохнул Вячеслав, плашмя падая на постель.

В его положении и десять тысяч баксов – сумма. Он женился по страстной любви на американке, переехал к ней, с языком проблемы, работы не было, любовь разбилась о менталитет. Он развелся, от американок нос воротил с их долбаной эмансипацией, кое-как работал, осваивая английский, на квартиру и гамбургер с пивом хватало, выкраивал деньги на поездки в Россию. И находился в известном русском вопросе: что делать дальше? Возвращаться домой или барахтаться в Америке? Не балует родина перспективами, а тридцать пять – это уже рубеж, когда позади есть опыт, а впереди должны быть авторитет и постоянство, базирующиеся на опыте. Вячеслав опыт приобрел, но слишком разнообразный, чтоб он стал базой для авторитета и постоянства. Деньги открывают неограниченные возможности, и деньги можно зарабатывать. Как? Люди десятилетиями ищут родственников и не находят. Был бы он авантюристом, согласился бы, не раздумывая, но деньги надо отработать. Так как же быть?

– А если попробовать? – сказал он вслух. – В конце концов, что я теряю? Только хреновую работу: отвезите бумажки туда, потом туда...

Вопреки ожиданиям, ужин прошел в чопорном молчании. После ужина Линдер пригласил Вячеслава в каминный зал (нет, каково: в доме кондиционеры пашут, и в то же время горят дровишки в камине), сели в кресла.

– Вы можете курить прямо здесь, – разрешил Линдер.

– Благодарю вас, – доставая сигареты, произнес Вячеслав.

Тут же слуга принес пепельницу и вино.

– Люблю смотреть на огонь, – сказал Линдер. – В лагерях огонь в печурке был единственной отрадой, дававшей надежду. Странно, да?

– Вы сидели в лагерях? – спросил Вячеслав, только чтоб поддержать беседу.

– Я ушел на фронт в семнадцать, приписав себе один год, сделать это было нетрудно в то время. Шел сорок четвертый, а в сорок пятом зимой попал в плен. Всего три дня пробыл в плену, за что меня после войны посадили. Припомнили и отца, расстрелянного в тридцать шестом, и что дядя жил за границей. Линдер – моя настоящая фамилия. А знаете, как она звучит полностью? Линдер ав Сварто.

– Ого! Красиво.

– Длинно и неудобно. Император Николай I в 1830 году отметил подполковника Карла-Антонина Линдера, возведя его в дворянское достоинство. В его честь меня и назвали Николаем. А уже весной 1859 года горный советник Магнус Линдер, мой пращур, был возведен в баронское достоинство с фамилией Линдер ав Сварто. В июне того же года наш род был внесен в матрикул дворянских фамилий Великого княжества Финляндского в число родов баронских под номером 44. Сами понимаете, после плена мне все припомнили, баронство тоже.

– Сколько вы сидели в лагере?

– Там не сидели, а трудились до бесчувствия. Дни были одинаковыми, разнообразились только погодой: дождь, снег, солнечно, пасмурно. Я бы сошел с ума, если б не интереснейшие люди, которые образовывали меня. Да, я получил высшее образование там, потом только подтвердил его. А провел в лагерях с лета сорок пятого по апрель пятьдесят четвертого. После смерти Сталина объявили амнистию для заключенных, чей срок не превышал пяти лет, выпустили огромное число уголовников, а я должен был отбывать срок дальше, до пятнадцати лет. Несправедливость привела к восстаниям во многих лагерях, она же и меня заставила искать выход. В списках, подпадавших под амнистию, значились и те, кто совершил «военные правонарушения», а это и было главной моей виной. Я написал прошение о реабилитации, и не только я, мы ждали решения. Процедура реабилитации длилась год, ведь дело проходило через Верховный суд или его военную коллегия. Мое дело было решено положительно, по сравнению с другими я провел в лагерях немного, всего восемь лет. Когда освободился, мне уже исполнилось двадцать семь, дома у меня не было, мама умерла. Я приехал...

Последнее письмо от нее он получил месяцев семь назад и не знал, ждет ли она его или уже нет. Николай спрыгнул с подножки поезда, ватник не застегнул, хотя было холодно – весна в том году выдалась далеко не теплой, – закинул котомку на плечо и зашагал в здание вокзала. Было раннее утро, он не решился заявиться чуть свет, да и встречи боялся. Денег имел немного, а голод мучил, Николай купил в вокзальном буфете чая с двойной порцией сахара, которого так не хватало все эти годы, неторопливо пил, разглядывая людей.

Пешком дошел до своего дома, посмотрел на него – стоит. Но там, на втором этаже, жили уже другие люди. Двинул дальше, а все изменилось: улицы стали другими, люди другими, по-иному одевались. Он попал в незнакомый мир, не знал, как будет жить в нем, но был молод, значит, полон надежд. Поднявшись на этаж, позвонил и отер пот волнения со лба.

– Кто там? – спросила она. Она, а не кто-то другой.

– Вера, это я... – только и вымолвил, чувствуя, как трусливая струйка пота заструилась по спине. Что его ждало?

Она открыла дверь... Секунда – и Вера ахнула, повисла на его шее. Она была тонкая, пахла кипяченым молоком и домашним теплом, апрельским утром и чем-то далеким, но знакомым по тем временам, когда учились в школе. Обнявшись, они стояли и стояли, Вера плакала, как плачут от радости и после долгой разлуки. А он молчал, глотая подступавший комок, – все же мужчина. Николай держал грубые ладони на спине Веры, сквозь тонкий ситцевый халатик чувствовал, как колотилось ее сердце, впрочем, его билось в унисон. Она отстранилась первая, заглянула ему в лицо, произнесла почти беззвучно: «Колька», и прильнула губами к его губам.

Они целовались второй раз в жизни, первый поцелуй случился, когда Колька уходил на фронт, был больше детским, неопытным, а в то апрельское утро целовались уже мужчина и женщина.

Вера кормила его всем, что нашлось в доме, заодно собиралась на работу, пообещав, что отпросится, и убежала, рассказав, как пользоваться ванной. Отец Веры провел туда горячую воду от батарей, еще топили, поэтому с горячей водой не существовало проблем. Николай набрал в ванну воды, она пахла ржавчиной и была рыжеватой, на ощупь скользкой. Да, да, скользкой, отдаленно напоминала разбавленный кисель. Но Николай мылся, как никогда получая удовольствие от мыла и воды.

...Проснулся, потому что в комнате кто-то находился, кроме него, а он не привык расслабляться даже во сне, срок-то отбывал с уголовниками, от них всего жди. Но увидел не барачное помещение, а жилую комнату. Вера сидела рядом и смотрела на него. Стоило открыть ему глаза, она, смеясь, сказала:

– А я твою одежду постирала.

– В чем же я ходить буду?

– Из отцовских вещей подберем. Что за шрам? – Она провела пальцем по большому рубцу на предплечье.

– Поранился. Давно.

– Колька... это ты?

А Колька вернулся взрослым мужчиной, ему было мало просто взглядов, поцелуев и разговоров. И вернулся он к той, кто была словно маяк – светила длинные десять лет. Он притянул Веру и целовал ее так жарко, что опомнилась она, когда его руки сдирали с нее халат и все, что было под ним.

– Ты что! Не надо... Ой...

– У тебя есть кто-нибудь? – прерывающимся шепотом спросил Николай, не прекращая штурма, так как не имело значения, кто у нее появился без него. В любом случае он имел на нее больше прав – так думал.

– Я тебя ждала, дурак, – упираясь в него руками и пытаясь высвободиться, сказала Вера. – Все равно... не надо. Пусти.

– Но я вот...

– Пусти, родители придут скоро...

– А скоро – это когда?

– В половине седьмого мама приходит, папа...

Он посмотрел на будильник, стоявший на комод, – а стрелки показывали три часа. Больше уговоры не помогли, собственно, и сопротивление Веры слабело. Она только с ужасом проговорила на самом подходе:

– Я боюсь...

– Все боятся, но это не страшно. Вера, не могу...

Потом она тихо плакала, а Николай не знал, что делать:

– Прости, если обидел. Вера...

И целовал, целовал мокрые и соленые от слез щеки, глаза, губы, не зная, как рассказать о том, что, кроме нее, ему ничего не нужно, ничего. Что все эти годы к жизни привязывало одно – эта встреча, которую он представлял ночами, когда все спали. Не знал, какие дать обещания, клятвы, чтоб успокоить.

– Ты – другой... – всхлипывала Вера. – Совсем-совсем другой. У тебя были женщины.

– Врать не буду, были. Но теперь не будет. Никогда. Потому что есть ты. Веришь мне? Скажи, веришь?

Это все, на что он был способен тогда, но Вера верила, ведь сквозь туман слез на нее смотрели любящие, преданные глаза, самые прекрасные глаза.

Первой пришла мать, когда Вера и Николай уничтожили все признаки содеянного, он оделся в одежду отца.

– Коля? – подняла она брови. – Ты ли это?

– Я, тетя Маруся, – смущенно потирая локти, улыбнулся он.

– Иди, обниму тебя.

Она была низенькой и хрупкой женщиной. Еще перед фронтом Николай запомнил ее рано состарившейся, а встретил почти старухой. Она обняла его, поцеловала в лоб – пришлось ему наклониться, затем взяла за предплечья – больше и не достала бы, покачала головой:

– Мужчина. Верка, ты гостя кормила?

– Конечно.

– На отца похож. Помнишь отца-то?

– Мне было почти девять, когда его забрали, я запомнил.

– Верка, ужин приготовила? – не отрываясь взглядом от лица Николая, спросила тетя Маруся, словно подспудно спрашивала не Веру, а его: каким ты вернулся, беды от тебя не будет?

– Нет, мам, не успела... – пролепетала Вера, краснея.

– Тогда марш на кухню. А ты отдыхай, Коля.

Отец пришел – усатый, большой, шумный и жизнерадостный, расцеловал Николая, за стол усадил, женщинами командовал. Ему посчастливилось остаться в живых, хотя четыре раза был ранен. Первый раз шел в атаку – ничего, а на второй обязательно ранение подкарауливало, так восемь раз. У пехоты и примета родилась: второй раз в атаке либо убьют, либо ранят. Выпили по сто, потом еще по сто, и дядька Платон пытаться приступил:

– Делать-то что собираешься, Викинг?

Именно дядька Платон дал ему кличку Викинг за крепкое телосложение, белокурые волосы, синие глаза, квадратный волевой подбородок. Кличка приросла в школе, затем закрепились на фронте, потом и в лагерях. Ответ Николая был краток:

– Работать. Учиться. Женюсь.

– Все успеть хочешь? Похвально. Поживи у нас, оглядись, выбери дело по душе, руки-то везде нужны, особенно мужицкие.

– А чего оглядываться? Завтра же пойду работу искать.

– Ну, тогда к нам на стройку давай. Людей не хватает.

– Согласен. Только мне отметиться надо, паспорт получить.

– Одно другому не мешает. Как отметишься, так и приходи, меня найди.

Полночи они курили и говорили, пока тетка Маруся не погнала спать. А комната одна на всех. Вера легла на диване, на кровати головой к ее голове лег Николай, мать с отцом на полуторке у стены напротив. Выключили свет. Николай перевернулся на живот, просунул руку сквозь стальные прутья спинки кровати, нашупал плечо Веры, она переплела пальцы с его пальцами, так и уснули...

Отец ушел рано, он пахал в две смены, и ничего – не ныл, мол, устал, сил нет. А Николай, проснувшись и двинув умываться, не дошел до ванной, нечаянно подслушал разговор матери с дочерью.

– Клеймо на всю жизнь останется, пойми ты. Сейчас да, выпускают всех, вон чего на улицах творится – в темноте ходить боязно. А потом что будет, через год-два, ты подумала? Время назад вернется, аресты тоже, сразу припомнят, кто он, кто его родня, и тебя вместе с ним загребнут.

– Ма, умер Сталин, умер...

– Ты это имя не смей упоминать! – разъярилась тетка Маруся, но свистящим шепотом. – Ни во сне, ни наяву, ни в бреду, поняла? Он кто? Великий! А ты кто? Тля супротив него. Умер... А если все враки и не умер он? Если специально подстроили, чтоб он посмотрел, как

без него-то будет? Уж лучше держи язык за зубами, чтоб нас всех не упекли туда, откуда Колька твой прибыл.

– Ма, ну что ты такое говоришь?! Назад ничего не вернется, уже сами люди не захотят...

– Кто людей-то спрашивает, дура? И чем же тебе он не нравится? При нем вон хлеб каждый год дешевел, а нынче что? Ох, Верка, Верка, не смыслишь в жизни, а чего-то рассуждаешь... Гоша Заруба какой человек. Все у него есть, все, даже «Победа»! А культурный... не на стройке работает – архитектор, руководит. И тебя готов на руках носить. Ну чем он хуже твоего Кольки, чем?

– Тем, что он не Колька.

– Да не знаешь ты своего Кольку! Сколько времени прошло? На войне да в тюрьме – десять лет? Туда за просто так не сажают. Напридумывала себе глупостей, никак не вырастешь. Думать надо о семье, о детях, как им жить. Ты чего глазами елозишь? На меня гляди... Что, уже успели?.. Вот дура... Ну, смотри! – Мать постучала пальцем по столу. – Мужики с девками гуляют, а замуж берет тех, кто в постель с ними до женитьбы не ложился.

Николай понял, что не все ему рады в этом доме, значит, надо подумать, где жить. Когда мать ушла, а Вера собиралась на работу, Николай взял ее со спины за плечи, поцеловал в затылок:

– На квартиру со мной уйдешь?

– Конечно, – повернулась Вера лицом. Но от поцелуя уклонилась. – Мне на работу... И светло... Ты не можешь день потерпеть? Или два?

– Полдня не могу! – И снимал одежду с Веры, с себя. – Глаза закроешь – темно станет.

– Нет, нет, нет...

Да разве он слушал? В конце концов, за опоздания на работу перестали сажать в тюрьмы.

– Дядька Платон устроил меня чернорабочим на стройке, – после паузы и бокала вина сказал Линдер. – Я ж ничего не умел, кроме как работать физически. Желание включиться в жизнь сразу, без оглядки, подвело меня. Я только потом понял, как прав был дядька Платон, говоря: осмотришь, найди дело по душе. Видите ли, еще в сороковом году вышел закон, прикреплявший трудящихся к предприятиям, а отменен он был только в пятьдесят шестом. Я не имел права найти другое место работы и уволиться с прежней.

– Неужели? – вырвалось у Вячеслава. – Это же крепостное право.

– Да, друг мой. Но тогда я об этом не задумывался. На стройке позже стал каменщиком, пошел в вечернюю школу, надо было получить среднее образование, учиться хотелось страстно.

– А Вера? – спросил Вячеслав.

Ему действительно стало интересно, как и чем жили люди в середине прошлого века и в другой эпохе, чем занимались, как любили. Сейчас-то просто: беби, не заняться ли нам сексом? Беби: почему бы нет. А что было тогда у них? Ведь что-то было сильное, раз этот старик до сих пор помнит.

– Веру я забрал, – ответил он, переведя глаза на огонь в камине, – мы сняли комнату в коммуналке, расписались. Мне пришлось попотеть, приучая ее к постели. Сами понимаете, почти до двадцати семи лет она берегла себя для меня, стеснялась и своего тела, и моего. Чудная черта – целомудрие, воспитывает в мужчине мужчину, рождает в нем, на мой взгляд, чувство ответственности. Ммм... – покачал он головой, рассмеявшись. – Что за время было... Каждый день праздник, несмотря ни на что. Ей-богу. Вера, как искра, всегда горела, жила играючи...

– Она красивая была?

– По современным меркам, может, и не столь уж красива. Но когда я смотрел в ее серо-голубые глаза, на ее губы в улыбке, на ямку между ключицами... взмывал ввысь. И каждый

раз начиналось с моего наступления и ее «нет». Но любовью занимались при каждом удобном случае. Вера жарит картошку на кухне, а я по комнате бегаю, как истинный зверь. Вы только представьте: война да лагеря, с женщинами редко удавалось встретиться, да и выглядело там это по-скотски. Ну, вот: она на кухне, я иду туда, силком заталкиваю ее в комнату и... приходилось есть горелую картошку. Воскресные дни вообще в постели проводили, а однажды гуляли на свадьбе в деревне, так между грядок кустов картофеля...

Вячеслав расхохотался в голос, не заботясь о пристойном поведении:

– Такое со всяким случается.

– Само собой, да не всякому везет пережить упоение любовью. Несмотря на длительное сексуальное голодание, других женщин я не замечал. Казалось, так будет вечно, но жизнь расставляет коварные ловушки. Встретилась мне еще одна женщина, сыгравшая немаловажную роль... Нет, о ней не сейчас.

– А почему вы бежали из страны?

Вячеслав не задал еще один вопрос, вертевшийся на языке: и почему вы бежали без Веры? Ведь странно: при такой любви Линдер все же оставил жену.

– Налейте-ка вина, если вам нетрудно. И угостите сигаретой, не хочу звать прислугу, уже очень поздно.

– Прошу, – протянул пачку Вячеслав.

Линдер взял сигарету, прикурил от огня зажигалки, любезно поднесенной Вячеславом. А тот делал все новые открытия в этом человеке, который на старика совсем не походил. Его точные движения неторопливы, изящны, одним словом – порода. А то, как он наслаждался каждой минутой жизни и переживал воспоминания, заставило Вячеслава позавидовать ему: что он будет вспоминать в этом возрасте?

– Обязательно угощу вас сигарами, – сказал Линдер, очевидно, сигарета ему не понравилась (и неудивительно, Вячеславу доступны лишь дешевенькие), но никак этого не обозначил. – Сам не курю, а держу. Привычки и слабости делают человека уязвимым, на них запросто играют негодяи. Слабости и самому мешают жить, потому что подчиняют и развращают. Вы спросили, почему я бежал... В пятьдесят пятом начался триллер, да-да, настоящий триллер. Вам, как бывшему детективу, это будет любопытно, но я, наверное, утомил вас...

– Нет-нет, мне очень интересно...

3

Далила перед зеркалом рассматривала зад, гематома образовалась на всю правую часть, куда как раз и пришелся удар автомобиля. Сине-черное пятно имело ужасающий вид, но что забавно – не болело. Далила вызвала на дом врача, тот выписал больничный, второй день она дома. Лучше полежать у телевизора, а то вдруг кошмарные астральные силы на самом деле существуют и устраивают экзамен на выживание. Рентген позвоночника делать не стала – не парализовало же, а как врач выпишет, Далила поедет к дочери.

С дочерью проблемы: родить не может. Далила постоянно звонила зятю, он успокаивал: все в порядке. Конечно, не он же рождает. Если честно, зять ей не нравился. Бывает так: не нравится, потому что не нравится. И не объяснить – почему. Вообще-то он должен Милке нравиться, а не ее маме. Говорят, классические тещи не переваривают мужей дочерей. А зять Милу обожал, только сюсюкал сверх меры, что Далилу приводило в ярость. «Лапуля, солнышко, кися, моя маленькая, котенок, цыпленок...» – фу! Или Далила относится к разряду классических тещ?

Позвонили в дверь. Слегка ковыляя – все же ногу после удара машиной немного тянуло, – Далила пошла открывать. Настасья влетела с вытаращенными глазами, в бигуди, в маске белого цвета на лице – как с пожара сорвалась:

– Далила, спаси, умоляю!

– От кого? – отпрянула та.

– Дай вязаное платье на вечер, оно мне страшно идет, я в нем как Шакира. Меня в кабаке пригласил мой, звонил и пригласил...

– Во напугала! – взялась за сердце Далила. – Да бери, только мне кажется, оно немного велико тебе...

– Ничего подобного, впору. А дубленку дашь? Он меня во всем уже видел, к тому же мой волк староват для кабака.

– Я вообще-то думала в магазин выйти...

– Все тебе принесу. Дашь?

– Дам, дам. Что еще? Сапоги не подойдут, у меня размер больше.

– Сапоги у меня есть, – отмахнулась Настасья. – Как раз под твоё платье – серые и на шпильке. Слушай, подарила б ты его мне, а? Еще свяжешь.

– Сама учишься вязать. Держи деньги, купи масла, курицу, молока и сметаны. Да, хлеб не забудь и... сахар.

Настасья кинулась на шею подруге, оставила на ее щеках сто поцелуев и выпачкала лицо липкой массой, прихватив платье и дубленку, умчалась. Далила умылась после лобызаний, набрала номер:

– Это твоя теща.

– Пока нет, – расстроенным голосом сказал зять.

– Там с ума сошли? – раскричалась Далила.

– Врачи говорят, ничего страшного...

– Это они страшные! Недоучки чертовы!

– Вы собирались приехать...

– И собираюсь, – чуть спокойней сказала она. – Упала, ушиблась, сижу на больничном, ходить тяжело – ногу тянет.

– Выздоровливайте. Я позвоню, когда все закончится.

Далила обошла комнату, поставив руки на поясницу, поморщилась. Если так дальше пойдет, то не скоро сможет выехать. Она легла перед телевизором, взяла журнал и пролежала неизвестно сколько, вздремнула, разбудил звонок. Настасья появилась в ее дубленке, накрашенная,

как звезда эстрады, – с блестками на скулах, что совсем лишнее. Она сунула пакет с продуктами Далиле, распахнула дубленку, поставив руки на бедра, покрутилась:

– Ну как?

– Лучше всех, – заверила Далила.

– Вещи отдам завтра, после ресторана к нему поедем... я так предполагаю.

– У тебя еще ничего с ним не было? – засомневалась Далила, зная влюбчивый и безотказный характер подруги.

– Ну, так... целовались, конечно... но до постели не дошло. Думаю, сегодня... я надела новое белье. Жаль, опять валит проклятый снег. И ветер. Я взяла с собой лак для волос... Слушай, Далила, ты мне шапку не дашь? Моя к дубленке ну совсем не идет.

– Как ты мне надоела. Бери. Бери шапку, перчатки...

– Перчатки у меня под сапоги – серые, – сняв с полки шапку и пряча под ней кудри, сказала Настасья. Посмотрелась в зеркало. – Не вульгарно выгляжу?

– Мужики вульгарность обожают, им скромность не по вкусу.

– Ой, еще до остановки плестись на шпильках. Я побежала.

Настасья прижалась щекой к щеке подруги (губы-то покрашены) и ринулась к лифту, оставив ядовитые парфюмерные запахи. Далила закрыла за ней дверь и задумалась: чем бы заняться, чтоб отвлечься от мыслей о дочери? Все из рук валится. Хорошо, что не легла на диван, пришлось бы подниматься и идти к телефону – позвонили на стационарный. Это оказался бывший муж, с которым года три как развелась, но осталась в нормальных отношениях:

– Как там Мила?

– Пока не родила. Сам бы позвонил зятю.

Он намеренно ей звонит, чтоб поговорить, возможно, сейчас станет напрашиваться в гости. Еще чего. Когда Далила поняла, что не любит этого человека, не хочет с ним ни спать, ни жить, подала на развод. Люди, живущие на одних квадратных метрах, должны иметь точки соприкосновения, а не раздражать друг друга. Рома раздражал ее постоянно, даже когда ел или брился. Он не алкаш, не лез на нее с кулаками. Ага, попробовал бы! Далила его припечатала б так, инвалидом бы стал – она баба здоровая. Между прочим, на свои... тридцать не выглядит, особенно когда подкрасится. Бегаёт по утрам, зарядку делает, мужики до сих пор за ней волочатся, однажды один другому (незнакомые) сказал о ней:

– А ведь кому-то надоела. Вот бы трахнуть...

Каково, а? Это не слова, а елей на душу! Зато Рома всю жизнь воспитывал, будто сам образец целомудрия. Жила с ним, как в пансионе благородных девиц, под девизом «нельзя». Надоело с учителем жить, самой вкручивать лампочки и забивать гвозди. Еще она не выносит людей, которые все-все знают, как ее муж. Вернее, знать не знают, а представляются знатоками и чужого мнения не терпят, у них только свое и бесспорное. Сначала она изменяла мужу лет пять с одним и тем же, до сих пор с ним, потом сказала Роману: дорогой, меняем нашу трехкомнатную на две однокомнатные – и ты свободен. Он все еще делал слабые попытки сойтись, поэтому Далила старалась меньше видаться с ним. Может, она не права, но не мучиться же с человеком только потому, что так благопристойно и все бабы терпят. Его мамуля еще жива, захаживает в гости и заводит одну и ту же нудную песню:

– Далила, Рома тебя так любит, так любит, у него ни одной женщины после тебя не было. Милая, ведь столько лет прожили, а старость не за горами...

– Вот-вот, – обычно подхватывает она, – столько прожили. Психологи советуют раз в десять лет менять мужей, иначе долго не протянешь. Я хочу хотя бы в старости жить без оглядки на Рому.

Старушка после таких слов вздыхает, а потом заводит другие темы, кстати, к ней Далила относится терпимо, неприязни не испытывает.

– Алло! Далила! Ты слышишь меня?

– Да, слышу, – очнулась она. – Извини, я упала, нога болит.

– Помощь нужна?

– Спасибо, я не лежащая больная, вполне справляюсь.

– Если что, звони, приеду.

Далила положила трубку, буркнула:

– Приедет он! Ждут его здесь! – И снова звонок в дверь. – Иду!

Игорь внес в квартиру морозный дух, пакеты в руках и смех довольного всем человека:

– Нет, как тебе нравится? Метет, будто на Чукотке.

Два метра красоты с серебряными волосами и темной бородой, надежное плечо – вот каков Игорь. Недостатков нет, у него их просто не может быть. Проблемы, возникающие у Далилы, он решает легко, его советы и поучения она воспринимает, даже иногда слушается, что не в ее духе. Высшего образования Игорь не получил, но то ли природа позаботилась и наградила интеллектом, то ли сам сделал себя, а знает он много, умный – страсть, воспитанный, как князь. Сокровищами Игорь тоже не владеет, но Далила уже на том уровне развития, когда деньги имеют минимальное значение.

– Ай, какой ты мокрый! – обняв его, завизжала она. – Раздевайся. Ты же обещал раньше приехать? Жду, жду...

– Я не на машине, – освободившись из рук Далилы и стряхивая с шапки растаявший снег, сказал Игорь. – В нашей деревне пробки, представляешь? К тому же сегодня выпью. Да, да, не смейся, выпью и побуюню немножко. Выдался удачный день, заработал шесть сотен баксов...

– И потратил их, – сказала она, беря пакеты. – Ого!

– Деньги надо тратить, мы не заберем их в могилу. Отремонтировал «Форд» за сутки, работка привалила неплохая. Двигай на кухню, я принес кучу деликатесов, будем пить и много есть.

– Я и так худею с каждого понедельника, – заворчала она. – До твоего прихода. Специально меня откармливаешь, чтоб я стала толстой коровой?

– По мне – так ты худая. Кстати, мужчины делятся на две категории: которые любят полных и которые любят очень полных женщин, поняла? Как Мила?

– Ой! – протянула она со стоном. – Не сыпь мне соль на раны. Не родила. А я не могу поехать, в калеку превратилась из-за наезда психов.

– Ты поосторожнее ходи. Там, где на тебя наехали, человека пришили, возможно, те же подонки.

– Да ну! А кого?

– Не знаю, не подходил. Вокруг тела толпа, правда, небольшая. Милицию ждут. Мясо готовлю я, а ты... режь ананас, делай бутерброды с икрой и семгой.

– Знаешь, за что люблю тебя? – Далила обвила шею Игоря руками, игриво улыбаясь. – Ты не издеваешься надо мной: подай-погладь-приготовь. Хотя мне хочется постирать твои рубашки, обязательно руками, и приготовить что-нибудь необычное.

– А замуж за меня идти не хочешь, – шутливо упрекнул он.

– Ты же в курсе, как Милка реагирует на нашу связь. Считает, я незаслуженно обидела папочку, а каково мне с ним жилось, ее не колышет. И потом, любимый! Каждая наша встреча – праздник, священнодействие, а когда мы будем жить вместе, начнутся темные будни.

Отговорка. Которую она приводит всякий раз, когда речь заходит о женитьбе. Игорь младше на шесть лет, для Далилы это серьезная преграда. Да, она с предрассудками, да, много примеров, когда женщина на десять лет и больше старше мужчины. Однако есть физиология, и мужчину с возрастом тянет к телу молодому, а не к телу второй свежести. Она не закабальтывает его штампом в паспорте, заодно себя ограждает от переживаний, ведь муж и жена – это больше, чем связь.

– Ты, как всегда, не права, – вздохнул он нарочито громко и тяжело. – Но переубеждать не стану, сама придешь к нужным выводам и потащишь меня в загс. Такие мужики на дороге не валяются.

– На дороге валяются трупы. Господи, как я не стала трупом? Настасья говорит, на меня набросились астральные силы. Какого черта им от меня надо?

– У черта спроси. За работу, Далила...

Миле что-то кололи, после чего схватки притуплялись, а сон не наступал, все плыло и плыло в бессознательную дыру. Иногда она открывала глаза и видела круглые часы над дверью, но не помнила, сколько времени они показывали, когда последний раз смотрела на них. Кажется, время остановилось, и если б не резкая боль, возникающая неожиданно, Мила думала б, что наступил час икс, когда все живое внезапно прекратило существование. Но она жива, еще жива. И понимала это, только когда вспыхивал новый бунт внутри, который и был сильнее предыдущего. В редкие часы затишья она думала и о муже. Они так ждали этого ребенка, которого сейчас Мила воспринимала извергом, рвущим ее на части.

Первый ее брак распался после двух лет совместной каторги. Он тоже был музыкант – скрипач, естественно, гений, с большими претензиями к ней и маленькими слабостями, которых оказалось слишком много, отсюда проистекали ссоры. Мила была девушка стройная, спокойная, светлоглазая, белокожая, с волосами, закрученными узлом на затылке, что ее совсем не портило, правда, строгости прибавляло, в общем, без внимания она не осталась. Встречалась после развода с мужчиной, он был женатым, много лгал и много обещал, дарил дешевые подарки, которые потом отправлялись Милой в мусорное ведро за ненужностью, и вечно смотрел на часы. Она рассталась с ним без сожаления.

В этот момент и появился он. Сначала она заметила: где бы ни была, он оказывался неподалеку и старался держаться незаметно. Само собой, она задавалась вопросом: что ему нужно? Учитывая криминальную обстановочку в городе, первыми родились нехорошие мысли. Когда она видела его на концертах, пальцы становились холодными, не попадали на струны арфы. Чаще всего он сидел на одном и том же месте – в третьем ряду напротив Милы – и смотрел только на нее. После концертов на проходной ей передавали скромный букет. От кого? Неизвестно. Она понимала, что это он оставил цветы. Но ни одной попытки познакомиться не делал в течение трех месяцев, просто преследовал. Это пугало, его поведение виделось Миле странным и нелепым.

Однажды с виолончелисткой зашли в кафе, выпили по чашке кофе с пирожными, потом коллега умчалась к ученикам, а Мила задержалась, расплатилась с официанткой и вдруг, подняв глаза, увидела его прямо перед собой.

– Здравствуйте, – сказал он, улыбаясь и садясь на место виолончелистки.

Вблизи он оказался намного симпатичней, чем издали, хотя и не красавец. Скорей всего раньше Мила оптически обманывалась из-за убеждения, что ее преследует маньяк с весьма оригинальными особенностями. Его уже и весь оркестр приметил, а бывший муж просто из себя выходил, когда видел лицо в зале, уставившееся на Милу. И предупреждал: будь на стреме, психопаты сначала охмуряют, потом расчлениют. Вблизи он не был похож на психопата, тем более на маньяка. Но Мила решила держаться с ним холодно:

– Здравствуйте. Вы – кто?

– Серафим. А вы Мила.

– Простите, у вас проблемы?

– Да. Вы. Я не знал, где удобней с вами познакомиться.

– Зачем же знакомиться, если вы и так знаете, как меня зовут?

– Я хочу, чтоб вы познакомились со мной. Разрешите вас проводить?

Она подумала: когда он садился за столик, виолончелистка наверняка видела его, в оркестре этого человека тоже знают, в случае чего – составят фоторобот. И чуть не рассмеялась: кто же будет светиться, имея подлый умысел? Нет-нет, ее подозрительность чрезмерна и необоснованна.

– Ну, проводите, – разрешила она из любопытства.

Шли пешком – Серафим предложил прогуляться – и много говорили. Он оказался не то чтобы интересным, но занятым. Например: он не любил музыку и особенно в исполнении оркестра, в котором работала Мила.

– Зачем же ходите на концерты? – поразила ее.

– Из-за вас. Вообще-то я люблю слушать музыку, но когда это происходит попутно за каким-нибудь делом. А тратить время на сидение в филармонии, простите, – роскошь. Сейчас его следует использовать с максимальным уплотнением графика, зря потраченных минут не должно быть.

– Вам не кажется, что вы зря тратите минуты на меня? – поддела его Мила.

– Ни в коем случае. – Серафим возразил с серьезностью, с какой обычно обсуждают стратегические задачи где-нибудь на предприятии. – Я говорил о времени как о высшем благе, данном человеку, ведь его отпущено мало, слишком мало. Но помимо времени нам отпущен ряд эмоциональных категорий, ради которых мы живем и тратим время. Понимаете?

– Боже, как сложно, – рассмеялась она, останавливаясь у подъезда. – Моего ума не хватает объять ваши умозаключения. По-моему, вы рассудочный сухарь.

– Разве иметь рассудок плохо? А насчет сухаря вы не правы, у меня много достоинств, если хорошо присмотреться. Мила, а почему арфа?

– Потому что это инструмент богов, – полушутя сказала она. – Звуки арфы, как воздух, нежные и прозрачные. Я уже дома. Спасибо за интересную беседу.

– Как! Вы не пригласите меня на чашку чая?

– Это уже чересчур для первого свидания.

– Вот видите, вы как раз и тратите время впустую, вместо того чтоб узнать меня ближе за более короткий срок. Вас сдерживает страх предрассудков. Мила, май – не самый теплый месяц в году, я немного продрог.

– Ну что с вами делать, – всплеснула руками она, снова рассмеявшись. Он необычен, необычны его взгляды, высказанные в непринужденной форме, будто это не устоявшаяся позиция, а всего-то способ понравиться оригинальностью. – Заходите, раз настаиваете. Предупреждаю: у меня не убрано и есть нечего.

Пока Мила согревала чайник на кухне и готовила бутерброды, Серафим неплохо освоился, во всяком случае, снял пиджак и рассматривал диски с записями музыки, взяв их с полки. В общем, чувствовал себя как дома. Что удивительно – его раскованность не была развязностью.

– У вас много джаза, – сказал он, когда Мила принесла чай. – Поставьте Армстронга, этот голос не спутаешь ни с одним. Он, как и его труба, выкручивает нутро наизнанку, застревает в каждой клетке.

– Вы же не любите музыку, – разливая чай, напомнила Мила.

– Джаз – не музыка, а состояние души.

Вот так и выясняется – мимоходом, – что скрыто в человеке. Мила уже более пристально изучала Серафима, достаточно неординарного, чтобы появилось желание узнать его ближе.

– Чем вы занимаетесь? – поинтересовалась она, включая проигрыватель и ставя диск.

– Всем понемногу. Я предприниматель, а мелкие лавочки обязаны заниматься всем, что связано с их делом. На паях с матерью мы держим два магазина, один в центре, где продаются вещи из Европы, за ними ездит моя мать. Мама потрясающая, она вам понравится. Во втором ассортимент скромнее – из Турции и Юго-Восточной Азии.

- Значит, вы богач?
- Вовсе нет. Я отношусь скорее к среднему классу. А это важно?
- Нет, – убежденно сказала Мила, садясь на диван рядом с ним.

Низкий голос Армстронга очаровывал страстью и силой, в то же время невероятным жизнелюбием, внося волнение и уверенность, что с этой минуты все будет иначе, чем прежде. А прежде жизнь текла в заданном темпе, с расписанным распорядком, где не предусмотрены сбои ни в каком качестве. Между тем за всей этой размеренностью затерялся смысл, во всяком случае, у Милы. Откуда он должен был взяться – неизвестно, но предчувствие неизбежных перемен парило даже в воздухе. Сто раз она слушала эти мелодии, а таких мыслей не было. Возможно, потому, что Мила тоже не слушала дома музыку просто так, ради музыки, а включала, когда занималась чем-нибудь по дому. Тогда почему ее удивил Серафим, когда сказал: тратить время на филармонию – роскошь? Просто он честнее ее.

Серафим забрал чашку у Милы, поставил на стол и взял ее руки в свои. То, что он сказал в следующий миг, глядя прямо в глаза, огорошило Милу не меньше, чем его преследование в течение трех месяцев:

- Мила... вы не могли бы родить мне ребенка?
- Э... Как? Вы хотите, чтоб я стала суррогатной матерью? – Это была первая глупость, пришедшая ей на ум и навеянная жуткими передачами.
- Нет, – сказал он. – Просто матерью. А я стану отцом.
- Не понимаю, – выдавила она.
- Что ж тут не понять...

Серафим потянул ее на себя за руки, и, как странно, Мила даже не подумала оттолкнуть его, отчитать, мол, что вы себе позволяете. Кажется, именно в ту ночь и был зачат сын, который сейчас издевался над Милой. Наверное, ради тех счастливых минут, что были, стоит вытерпеть пытку.

4

Треск дровишек заполнил паузу. Вячеслав докурив сигарету, загасил ее, подставил пепельницу Линдеру, который не заметил, как его сигарета догорела до фильтра и пепел вот-вот упадет на пол. Старик поблагодарил и бросил сигарету в пепельницу, после чего Вячеслав спросил:

– И что же это был за триллер?

– Прежде ответьте, о чем вы мечтали, скажем, в двадцать пять?

– Ммм, – поднял плечи Вячеслав, припоминая. – Заработать кучу денег и объездить мир.

– Я почему спросил: время определяет наши потребности, а тогда оно было особенным. Мне не приходило в голову мечтать увидеть мир, это было невозможно. Слов «большие деньги» для меня и миллионов советских людей не существовало, жили все одинаково – крайне бедно. Поднималась разруха на голом энтузиазме, шла холодная война, бандитизм царил на улицах, основная еда – хлеб, картошка, капуста, но и этого не хватало, вернее, не хватало все тех же денег. XX съезд партии еще не прошел, о том, что после него наступит оттепель, никто не подозревал. А я мечтал... купить Вере ботики. Знаете, что такое боты?

– Примерно...

– Было три вида бот, – потряс кистью руки Линдер, словно речь шла о чем-то запрительно дорогим и великолепным. – Из войлока, резиновые и кожаные. Это такие башмаки по щиколотку, которые носились и самостоятельно, и надевались поверх обуви. Я купил моднейшие резиновые ботики, блестящие. Представьте: в тех ботиках имелся полый каблук, так что в этот кошмар можно было сунуть ноги в туфлях на каблуках, застегивались на две кнопки, в общем, мечта любой тогдашней женщины. Вера меня отругала, я ведь много потратил, но потом налюбоваться на них не могла. Думаю, современная женщина упадет в обморок, если ей преподнести подобное уродство, а Вера была счастлива, я, глядя на нее, тоже. Понимаете теперь разницу между той жизнью и нынешней?

– То есть радость доставляли мелочи?

– Именно. Но и они были малодоступны. Это важно, хочу, чтоб вы поняли, как трудно было мечтать о глобальном, а я мечтал и об этом. Мечтал пойти по стопам отца, заняться наукой, делать открытия. Человеку свойственно не назад оглядываться, а смотреть вперед, идти к цели, тогда он живет полной жизнью и ему безразлично, что за еда в тарелке и насколько ощутим удар по карману из-за покупки ботиков. Среднее образование я получил за год, мне помогала Вера, она ведь окончила институт, работала в архитектурном отделе. Да и в лагерях я, к счастью, не тратил даром время. Друг отца профессор Пахомов уверял, что мои знания соответствуют третьему курсу, при исключительном упорстве можно сдать экстерном и укоротить время обучения. Но меня не приняли.

– Почему не приняли? – спросил Вячеслав.

– Да, я не могу пропустить этот момент. – Глаза Линдера потускнели, память переносила его назад. – Он явился не последним звеном...

Николай стоял перед столом ректора, тот изредка и вскользь бросал на него блуждающий взгляд. Вся его фигура выражала неудобство, словно он не в кресле сидел, а на гвоздях. Николай, напротив, держался основательно, поставив ноги широко, опустив натруженные руки вдоль тела.

– Почему моей фамилии нет в списке зачисленных? – спросил он.

– Как ваша фамилия?

– Линдер.

Пройдя лагерную школу, Николай неплохо разбирался в людях. Уж кого там только не было, начиная от мелких шулеров и кончая профессорами, знающими по несколько иностранных языков. Многообразие характеров, воспитания, принципов, политических взглядов и их отсутствие, низменных страстей и возвышенных – Линдер все впитывал. Равнялся на лучших, понимая, что иначе нельзя, лагерная жизнь сконцентрирована на выживании. Это были не только интеллигенты, но и простые мужики, наделенные природной мудростью и силой, не дававшие себе послабления ни в чем. Те же, кто ломался, погибали. Николай научился по мимике, по движениям тела и рук различать человека, читать его внутренний мир. И он понял, что ректор отлично знал его фамилию, а списки изучал, играя в некую игру. Наконец ректор кинул листы на стол:

– Да, вашей фамилии нет в списках. Зачислены те, кто сдал вступительные экзамены лучше вас, Линдер.

– Разрешите с вами не согласиться, – возразил Николай. – В списках есть сдавшие экзамены хуже меня.

– Но таково решение приемной комиссии, – развел руками ректор.

– Я буду жаловаться, – припугнул Николай. А что ему терять?

– Вы, конечно, можете строчить жалобы, Линдер, но это не поможет. Да и к чему вам институт? Двадцать восемь лет – возраст, простите, не для учебы. Вы сформированный, сложившийся мужчина, вам впору осваивать новые земли, строить заводы, растить детей, а наука... В науке начинают гораздо раньше.

В тот момент, когда Линдер смотрел в безучастные глаза ректора, и взошли ростки безнадежности, когда приходит осознание, что ты бы и прыгнул выше себя, но тебе не дадут ни одной попытки это сделать.

Вера ждала его возле института на скамейке, вскочила, увидев мужа, но, по мере его приближения, на ее лице немой вопрос сменялся растерянностью. Николай подошел к ней, отводя глаза в сторону (почему-то было стыдно, словно он обманул ее), буркнул:

– Пошли домой.

– Что он тебе сказал? – бежала рядом Вера, заглядывая ему в лицо.

– Ничего.

– Но так не бывает. Что-то же сказал...

Николай остановился и чуть не выплеснул на Веру гнев, предназначенный, конечно, не ей, а несправедливости в лице ректора. Но, взглянув в обеспокоенные глаза, невесело улыбнулся и обнял ее за плечи:

– Сказал, что мне поздно учиться. Идем.

– Как он мог такое сказать! – вспыхнула Вера. – Это же глупо! Ты прекрасно сдал экзамены... Это... это выпад против политики партии. Ты ему так говорил?

– Хм, – вновь приостановился Николай. – Бесплезно говорить. Да не расстраивайся так, Вера, приедет Пахомов, поговорю с ним.

– Приедет... – окончательно огорчилась она. – Он только на днях уехал. Почти месяц пробудет в Ялте. Да и что он сделает?

– Ну, хотя бы объяснит толком, в чем дело.

Николай прижал ее к себе, уткнул нос в волосы, но Вера отстранилась, смутившись:

– Ты что! Люди кругом.

Сбой напряженного ритма, резко перешедший в отдых, оказался хуже некуда. Отдыха не получалось, он промаялся два дня от безделья и переживаний, а впереди еще воскресенье, хотя его скрасит, полагал, Вера. Она ушла на работу, ему только в понедельник предстояло выйти. Отпуск, который он выбил, чтобы поступать в институт, заканчивался. Нелегко свыкался с крахом надежд, стараясь отвлечься, занимался мелким ремонтом: примус почистил соседке, кран на кухне починил, развалившийся стул сбил. А оскорбление (именно оскорбле-

нием виделось Николаю отношение к нему ректора) не проходило. И главное – от него ничего не зависело, это бесило.

– Коля!

Он лежал на кровати с закрытыми глазами, не спал, а не услышал, как в комнату вошла Вера. Николай сел, потряс головой, чтобы выйти из состояния внутренней разрухи, тем временем Вера очутилась рядом, взъерошила ему волосы, чмокнула в щеку:

– А я Майку с Лесей встретила. Как были неразлучными подружками, так и остались. Сегодня на танцы пойдут. Пошли и мы?

– Не хочу.

– А ты через не хочу, – посерьезнев, сказала Вера. – Лежание способствует переживаниям. Пахомов приедет и разберется, он не последний человек там, я все узнала. Мне по секрету рассказали, что ректор принимает... ну... за взятки. Или по блату. Может, на твое место кого-то взял. Да, так и сказали. А Пахомов – кристально честный, он обязательно что-нибудь придумает, и тебя возьмут. Все, не возражай, идем на танцы.

Вера достала из шкафа выходную рубашку Николая, насильно напялила на него. И сама переделалась в выходную блузку из светлого маркизета, в темную юбку из плотной ткани с завышенным и широким поясом, расчесала волнистые волосы и подколола их возле ушей. Не забыла подкрасить губы, надушилась из малюсенького пузырька – все, она была готова. Пока Николай наблюдал за ее сборами, у него улучшилось настроение. Правда, почему она должна страдать? Жизнь не заканчивается на неудачах.

Открытая танцплощадка в парке не пустовала. А куда пойти перед выходным, где встретиться с друзьями или, например, познакомиться? В парке и на танцплощадке, излюбленным местом были еще кинотеатры. Аккордеонистка с упоением наяривала популярные мелодии, раздувая мехи и закатывая глаза, но на середине танцевальной площадки кружилось не так уж много пар, в основном женщины по двое, остальные стояли по краям. Дефицит мужского пола явственно проступал как раз на танцплощадках, когда воочию становилось видно процентное соотношение женщин и мужчин.

– Майка! – вскрикнула Вера и потащила Николая к ней.

Одноклассница Майя работала терапевтом в поликлинике, ее муж Тарас, тоже одноклассник, служил не где-нибудь, а в милиции. Они дружили с детства, держались вместе в эвакуации, которая была недолгой, вместе мечтали. Вернувшись, Николай ни разу не зашел к друзьям, считал, ни к чему это. Майка похорошела, в истинную женщину превратилась, а была нескладехой на длинных ногах, сутулая и застенчивая. Она заулыбалась, обняла Николая:

– Ну вот, наконец встретились. Ух, и здоровый же ты! Настоящий викинг. Мама о тебе все время спрашивает, зашел бы.

– Зайду, – пообещал он, не собираясь выполнять обещание.

– А где Лесья? Тарас? – спросила Вера, поглядывая на мужа с опаской, словно боялась, что он сбежит.

– Леську не жди, она наобещает с три короба, потом всегда найдет причину не сдержать свое слово, – сказала Майя. – А Тарас где-то здесь, он же на дежурстве, сейчас позову.

Она степенно пересекла танцевальную площадку, которая заполнялась новыми людьми. Николай закурил папиросу, оперся о каменное ограждение, повернувшись спиной к танцующим. Он скрывал беспокойство, не раз убеждаясь, что далеко не каждый радовался встрече с ним. Ему не хотелось бы пережить еще одно разочарование, заодно поставить Тараса в неловкое положение, когда тому надо будет что-то говорить, как-то показать, мол, ты парень хороший, но дороги у нас разные. Если б Тарас хотел, давно нашел бы время навестить. Вера облокотилась о балюстраду, но стояла лицом к танцплощадке, постукивая ступней в такт музыке.

– Ты знала, что Тарас будет здесь? – спросил он.

– Конечно.

– Почему не сказала?

– Ты б не пошел. Сколько еще будешь избегать ребят? Ты работал и учился, как одержимый, даже праздников для тебя не существовало, а так нельзя. Ни поговорить, ни выпить не с кем.

Ее бухтение вызвало улыбку у Николая.

– У меня есть ты, дядька Платон...

– Мой отец – тесть тебе, ему душу ты не изольешь, постесняешься. А я... не все и с женой обсуждается.

– Откуда ты это взяла?

– Работаю в женском коллективе, там такого наслушаешься о мужчинах, поневоле задумаешься: а какая я жена? Идут!

Николай отбросил папиросу, повернулся. Когда-то Тарас был вдумчивым и серьезным пончиком (судя по фигуре, пончиком и остался), мечтал о подвигах, вдвоем они закончили летную школу по ускоренной программе, ушли на фронт, приписав себе по году. Как же, главные свершения пройдут мимо, страна без них победит – разве можно было такое допустить? Только Николая сбили, он выпрыгнул из горящего самолета и...

– Ну, здравствуй, Викинг.

Ему шла милицейская форма, подтягивала фигуру. Изменился он сильно, выглядел старше своих лет, ранние морщины избороздили лоб, можно было подумать, что это ему выпала доля отсидеть восемь лет. Небольшие, широко посаженные глаза на круглом лице смотрели в лицо Николая снизу (был он на голову ниже) с прищуром, поэтому не определялось по ним отношение. Неожиданно Тарас обнял Николая, и у того отлегло от сердца – рад встрече. Друг чуть отстранился, с едва заметной грустью усмехнулся:

– Заматерел, чертяка. – Очевидно, Николай тоже произвел на него впечатление сильно изменившегося человека. – Девчонки, идите, потанцуйте.

Майка и Вера послушно исполнили указание, но во время танца обе не сводили с них глаз. А два друга закурили, заполняя паузу.

– Чего не показывался? – спросил Тарас с обидой.

– Работал, учился, готовился в институт, – потупившись, сказал Николай. – А ты чего ни разу не заглянул?

– Работаю. Бывает, сутками дома не появляюсь. Грабежи, разбой, убийства. Без малого миллион уголовников выпустили, они и показывают, кто тут сила.

– А хорошие люди в лагерях гниют, – вырвалось у Николая.

– Разберутся и с ними, время нынче изменилось. Тебя ж выпустили, им тоже недолго осталось, я так думаю. Ты на стройке? А хотел летать.

– Кто ж мне самолет доверит? – усмехнулся Николай.

– Тебя же реабилитировали.

– Но в областных и краевых центрах жить запрещено, разве не знаешь? Да и мечты, Тарас, тоже меняются, хочется заняться чем-то серьезным, нужным...

Говорили и говорили, а жены танцевали и танцевали. Николай радовался, что друг остался другом, это читалось по глазам, которые он не прятал, по интонациям, поведению, и вокруг стало светло, как днем. Вера и Майя вернулись.

– Долго мы одни танцевать будем? – спросила сияющая Вера.

– Мне не положено, – сказал Тарас, поправляя портупею.

– Завтра приходите вечером к нам, – пригласила Майя. – Мы с мамой пельмени сделаем.

– Обязательно придем, – поспешно пообещала Вера.

Николай пригласил Майку на танец, хотя не умел танцевать, но вела она, а не он, назвав его неуклюжим Викингом.

И вдруг Николай остановился, глядя на две женские фигуры. Собственно, не они привлекли его внимание, а человек, мелькнувший между ними. На него смотрел волчий глаз, где-то он видел точно такой же – стальной, звериный, но не мог вспомнить, когда и где. Николай вытянул шею, чтоб рассмотреть, кому он принадлежал...

– Викинг, ты чего? – трясла его Майка. – Знакомых увидел?

– Показалось... Я сейчас.

Он бросил Майку, пошел к группе, в которой мелькнул человек со стальным взглядом, растолкал ее, вертел по сторонам головой. Так и не найдя того, кому он принадлежал, Николай вернулся к друзьям и жене.

Длинная дорога домой по ночным улицам была одной из самых приятных, примерно как возвращение из лагеря. Он встретился с друзьями, без которых, конечно, жить можно, но не нужно. Николай чувствовал приток сил, какой случается, когда наступает в душе гармония, а недавний крах с институтом уже виделся ему временной неприятностью. Вера держала его под руку, смеясь, рассказывала о своих впечатлениях, журила за то, что не хотел видиться с Тарасом. Но он же отвык от нормальной жизни... Николай сгреб Веру в охапку да так сжал, что дышать ей стало нечем.

В этот момент выросли три тени, встали на пути, замерли. Николай коротко шепнул Вере:

– Беги, – и рукой перевел жену за спину.

– Ее оставь, а сам кати колеса, – сказал тот, что стоял посередине.

Николай, не разжимая губ, повторил Вере, чтоб убежала, а она прижалась к его спине и дрожала. Он примеривался к ним, они, кажется, к нему, поэтому незначительная пауза сползлась с ночной тишиной вокруг, нагнетаемая непредсказуемостью бандитов.

– Оглох? – более резко, чувствуя перевес в силе, выкрикнул второй, согнувшись в корпусе. Это поза утрашения, Николай знал ее. – Дыбай на цырлах, чмырь.

Николай стоял молча и внешне спокойно, готовясь к отпору. Урки кинулись скопом, это их тактика, но лагерная школа научила Николая защищаться. Первую атаку он отбил, двое вытащили финки, последовала вторая атака. Несмотря на темноту – драки в лагере тоже ведь случались в темноте, – он ловко увернулся от ударов, одного схватил за руку, дал кулаком по лбу, чтоб мозги отскочили от черепа, и бросил, тот так и рухнул. Второму нож выбил ногой, получил в челюсть кастетом от третьего, но устоял на ногах. Потом упал с двумя урками на землю, в яростной борьбе слыша крик Веры:

– Караул! Помогите!

Жена не стояла в сторонке, ожидая исхода битвы. Вера бегала вокруг, ударяя негодяев то сумочкой, то ногой, а те не чувствовали ударов. Николай оказался сильнее, и, надо полагать, у него было больше навыков, он отбил. Вскочив, схватил Веру за руку, пока трое ползали на четвереньках в поисках самих себя, галопом помчался к дому.

Вечером следующего дня Тарас сразу заметил кровоподтек на скуле:

– Где это ты так?

– Вчера на нас напали, – зачастила Вера. – Трое, представляете? Мой Коля раскидал их, и мы убежали. А у них были ножи. Меня колотит до сих пор.

– Надоели уркаганы, ворье, жулье, хулиганье, – заворчал Тарас. – Житья от них нету. Каждый день: если не кража – так разбой, не разбой – так убийство, не убийство – так изнасилование. Людей не хватает, чтоб переловить паскудников. Будь осторожен, Викинг, при встрече с ними, а то тебя без разборок посадят, если кого нечаянно покалечишь.

– Давайте о чем-нибудь хорошем? – предложила Майя.

Николай по возможности теперь встречал Веру, строго-настрого приказав нигде не задерживаться после работы, если идет домой одна. Однако месяц прожили без приключений, оба стали забывать ночное происшествие.

Пахомов вернулся в начале сентября, занятия в институте еще не начинались – студентов отправили на различные работы поднимать хозяйство. Он крайне удивился, что Николая не приняли в институт, обещал узнать истинную причину и, если получится, устранить ее.

Николай зашел к нему через неделю, честно сказать, уже не хотел знать правду, подозревая, что она ему не понравится. Пахомов выглядел уставшим, собственно, из Ялты он вернулся тоже усталым, словно не отдыхал вовсе. Жил он один в большой квартире, если не считать домработницы Нюши – простой малограмотной женщины из деревни, в которой у нее никого не осталось. Да и проживала она скорей всего на птичьих правах, у деревенских не имелось даже паспортов, впрочем, ее это не беспокоило, она не раз говорила: «Похоронят и без пачпорта». Пахомову было пятьдесят пять (столько же исполнилось бы и отцу Николая), выделялся он непропорционально большой головой на шуплом теле и непропорционально длинными руками. Возможно, такое впечатление создавалось из-за согнутых узких плеч, которые никогда не распрямлялись.

– Нюша, принеси водки! – крикнул Пахомов, приглашая Николая в кабинет. Его мрачность бросалась в глаза, мрачность и опустошение, которые свойственны разочаровавшимся и сломавшимся людям. Он тут же признался: – Нечем порадовать тебя. Садись.

Николай уселся на кожаный диван с большими круглыми подлокотниками, Пахомов в кресло. Старушка, смешно переваливаясь на хромо́й ноге, принесла водку, закуску. Выпили по рюмке и не закусывали.

– Тебя не приняли, потому что ты сидел, – после долгой паузы с нотками негодования, нет, возмущения, сказал Пахомов. – Все, кого выпустили за эти два года, приравниваются к уголовникам.

– Но я не уголовник.

– Об этом ректор ничего не хочет слышать. Политический – звучит для него еще опасней.

– Я даже не политический, – усмехнулся Николай, закуривая.

– Он считает, сидят две категории: уголовники и политические. Горько. Я ничем не могу помочь, я бессилён. Очень горько. Сейчас, когда прожил достаточно много, чтобы осмыслить наш век, прихожу к выводу: моя жизнь прошла в бессилии. Я ничего не значил. И не значу. Меня не посадили, а я всегда ждал этого, каждый день ждал, особенно по ночам. Сколько это ожидание забрало сил, ума, энергии, которые мог потратить на дело! Значит, прожил вхолостую, зря.

– Не надо так говорить, вы работали, много сделали.

– Сделал, но меньше, чем мог. Обидно. А тебе и этого не дадут сделать, ты маргинальный элемент, Николай. И таких, как ты, миллионы... Миллионы способных людей, но им не дадут применить свои способности.

Вера ужасно расстроилась, но только в первый момент, услышав причины, по каким муж не попал в институт. Ночью, лежа с ним в кровати, она гладила его по груди, уговаривая:

– Ничего, и это время пройдет. Мы думали, он (разумеется, Сталин, его имя Вера по совету матери не произносила) вечный, а его нет уже больше двух лет. Хуже-то не стало, значит, придут еще лучшие времена.

– Придут, – согласился он. – Когда мы умрем.

– Раньше, Колька, раньше. Я верю, так будет.

А он не верил. И часто заходил к Пахомову, который стал необходимым, так как в беседах помогал Николаю найти ответы на множество «почему». А там, где есть ответ, приходит не только понимание, но и мудрость, которая в свою очередь ведет если не к примирению с обстоятельствами, то к поиску нового пути. Реже встречался с Тарасом, друг ловил бандитов, неделями где-то пропадал. С Тарасом Николай не касался тем, обсуждаемых с Пахомовым, другу и так нелегко приходилось. Огорчало, что Пахомов попивал, его дух погибал, как гибнет

в трясине все живое, но постепенно, видя в Николае взрослого и умного мужчину, тот открывался:

– Страшная эпоха выпала нам... Эпоха зверя. Я атеист, но последнее время сомневающийся атеист, например, в антихриста верю. Его... – указал пальцем на потолок Пахомов, не упоминая имени всуе, – его боготворили, а умер он, как умирает всякий заурядный человек. Но ведь не ушел бесследно! Он размножился, оставил вместо себя тысячи маленьких антихристов. Сдерживает эти сакральные силы только одно: животный страх перед своим же племенем антихристов. Но они же тоже размножатся. Я, признаться, рад, что у меня нет детей, Николай. Что я им оставил бы? Пожизненное рабство?

– Думаете, так будет вечно?

– Кто сказал: «Социализм, развивающийся от утопии к деспотии, а не к науке, превратит двадцатый век в новое Средневековье»? Не знаете, сударь? А это сказал Карл Маркс, – протянул Пахомов имя интонацией, какой пугают детей, при этом взгляд направил исподлобья.

– Разве он не прав?

– Прав, прав, сволочь. Теоретик разрушения Маркс прекрасно знал, куда ведет утопическая идея о всеобщем равенстве и братстве. Знал и призывал к абсурду! И вот: подтвердился первый закон материалистической диалектики – переход от количественных изменений в качественные – путем неестественного отбора. Лучшую часть отстрелили, кто остался? Ха-ха! Вот оно: качество абсурда. А это... как его... «отрицание отрицания!» – Профессор, ерничая, получал удовольствие. – Это вульгарное понимание всей природы, законов бытия! Да-с! Росток, видите ли, отрицает зерно! Сын уже отрицал родителя, что вышло? Беспощадная междоусобица! Апокалипсис. Не отрицает, а возрождается в лучшем качестве! Вот смысл! Но когда зерно гнилое, оно дает худшее продолжение. – Внезапно он впал в пессимистичный тон: – Ничего не изменится, Николай, племя антихристов слишком велико. Возможно, будет чуть лучше или чуть хуже, но разве это что-нибудь меняет? Разрушен главный принцип – человеколюбие, отсюда ценность личности исчезла. Мы превратились в тупую массу, которую еще не раз бросят в котел с кипятком антихристики.

– Многие счастливы и так...

– Не вини людей, они обмануты и запуганы. Запуганы до такой степени, что не осознают трагедии ни в себе, ни в обществе. Если появится малейшая возможность, беги отсюда, у тебя ведь ТАМ дядя.

– Я не знаю, где он, жив ли...

– А где б ни был, найдешь. Хуже, чем здесь, не будет. Ты молод, талантлив, не пропадешь. И говорили, говорили до глубокой ночи, пока Николай не опомнился:

– Пойду я, уже поздно, Вера волнуется.

– Провожу тебя. Эх, скинуть бы мне годков двадцать, я б рискнул бежать из антихристового царства...

Николай попрощался с ним, заверил, что скоро обязательно придет. Пахомов открыл дверь, Николай вышел, повернулся, чтобы попрощаться еще раз...

Сильный удар по голове, и мгновенная темнота заполнила сознание.

Когда Николай очнулся, он лежал ничком на паркетном полу, пахнущем мастикой. Голова раскальвалась, рука что-то сжимала. Он ничего не понимал, с трудом сел, тронул голову, кажется, целая... только на затылке что-то мокрое... Осмотрелся. Находился он в квартире Пахомова среди гостиной. И вдруг сердце екнуло – профессор лежал неподалеку. Николай поднялся, увидел нож, который держал в руке, недоуменно уставился на него. Потом снова перевел глаза на Пахомова, тот был в крови...

Дрова догорели, в камине тлели угли, а за окном только-только занимался рассвет.казалось, Линдер заснул, плотно закрыв веки, но это была всего лишь передышка, вызванная неза-

бытыми переживаниями. Вячеслав поставил себя на место Линдера и понял, каково ему было тогда, понял эту паузу.

– Утро наступает, – сказал Линдер, открыв глаза. – Я заговорил вас, простите. Идите отдыхать, господин Алейников, сегодня нам лететь в Нью-Йорк, а я еще посижу немного.

Вячеслав у выхода оглянулся, Линдер снова будто спал. И ни слова о деле.

5

Тереза носилась по кабинету врача, запахивая и распахивая длинную каракулеву шубу. Каблуки Терезы отстукивали шаги, выдавая ее нетерпение, нервозность и адское напряжение. Серафим сидел неподвижно на стуле у стены, посматривая на нее с опаской. Когда в очередной раз она запахнула шубу и полой задела его, он почти беззвучно промямлил:

– Осторожней, меня сметешь.

Она услышала, рывкнула в ответ:

– Помолчал бы!

Едва открылась дверь, Тереза кинулась к врачу:

– Здравствуйте. Что скажете? Как Мила?

– Не волнуйтесь, все идет нормально.

– Нормально?! – задохнулась Тереза. – Дорогуша, вы считаете, трое суток – нормально?!

С молодой женщиной, какой оказалась врач, можно не слишком-то церемониться. Она не заведующая, к тому же хорошенькое личико дополнительно вызывало недоверие Терезы, которая к врачам никогда не обращалась, имея завидное здоровье, посему о медработниках имела своеобразное представление. Разве может быть баба специалистом в области медицины – раз. Баба молодая, значит, опыта у нее мизер – два. Три – баба с хорошенькой мордахой не отвечает суровости и ответственности профессии, ей только мужикам глазки строить.

– Двое с половиной, – уточнила Арина Валерьевна, идя на свое место за столом.

Арина впервые увидела родственницу Милы Чибис, а слышала о ней о-го-го сколько, и отзывы были нелестными. Но раньше с этой женщиной общался главврач, он заболел, вместо себя назначил Арину, теперь придется ей принять удар на себя. Тем временем Тереза задала вопрос в форме... совета:

– А не пора ли делать кесарево?

– Мамочка хочет сама родить ребенка, – сказала Арина Валерьевна. – Мы должны считаться с ее желанием.

– Мамочка хочет! – взметнула руки Тереза, затем хлопнула ими по бедрам. – Да с каких пор врачи слушают пациентов?

– Мила вычитала, – подал голос Серафим, – что ребенок после кесарева сечения менее вынослив и к борьбе за выживание не приспособлен.

– У этого ребенка будет все, – закричала Тереза на сына, – ему незачем будет бороться за выживание!

– Успокойтесь, – сказала Арина Валерьевна на той ноте терпения, которое балансирует уже на грани. Потом следует грубое выдворение за пределы кабинета, а то и из больницы. – Патологий нет, ваша невестка вполне справится.

– Послушайте, – упала на стул Тереза, – трое суток – это уже опасность для ребенка. Вы молоды, вам сложно понять, как ждут внуков. Мне сорок девять лет...

– Неужели? Вот уж не подумала бы, вы прекрасно выглядите.

Арина искренне восхитилась Терезой и действительно не поверила, что женщина осенней поры способна так великолепно выглядеть. Дала бы лет тридцать пять, не больше. Невольно за спиной Терезы Арина увидела свою маму, мысленно сравнила их. Маме пятьдесят, так ведь и смотрится она на свои пятьдесят. Впрочем, обеспеченные люди имеют возможности исправить внешность, ошибки природы, с помощью денег могут сейчас отодвинуть и старость.

– Я не на комплимент напрашивалась, – сказала Тереза нервно. Арина подумала, что этой внешне очень эффектной женщине не хватает элементарного – культуры. – Я хочу получить здорового внука и воспитывать его, пока есть силы. А не тогда, когда мне самой понадобится помощь. Мы о нем мечтали.

– Все будет хорошо, – заверила Арина. – Ваша невестка под присмотром, не беспокойтесь.

Это было вчера, а сегодня Арина готова танцевать от радости, что больше не увидит Терезу Чибис.

Далила впустила в квартиру милиционера в штатской одежде после того, как он сказал, что пришел по поводу ее соседки. Поверила ему на слово, не посмотрев удостоверение. Сегодня суббота, Игорю не надо тащиться на работу, а при нем бояться грабителей – смешно. Да и брать у Далилы нечего.

– Почему вы интересуетесь Настасьей? – спросила она, подозревая, что по причине ветрености подруга влипла в скверную историю. – Садитесь.

Молодой человек лет тридцати с небольшим, но с ответственно-солидным видом ответил не сразу. Сначала опустился в кресло, поставил старый «дипломат» с ободранными углами на колени и щелкнул замками, после чего взглянул на хозяйку:

– Ваша соседка вчера найдена неподалеку от троллейбусной остановки...

– Найдена? – не дослушала Далила. Иногда она опережала события, что выдавало в ней натуру нетерпеливую. Еще не зная, в чем суть, Далила в уме уже искала способы помочь подруге. – Как это – найдена? Кто, простите, ее искал? И... и почему?

Из кухни вышел Игорь, стал слушать.

– Никто не искал, – сказал милиционер. – Ваша соседка примерно в половине седьмого вечера получила два удара в область шеи, нанесенные предположительно заточкой. Преступник убежал, а Настасья Волкова лежала, пока ее не обнаружили прохожие, которые вызвали милицию и «Скорую».

– Боже мой... – вскочила с дивана Далила, забыв о пояснице и ноге. – Она ранена!.. Где, в какой больнице лежит Настасья?

– Вы присядьте.

Под его холодным взглядом Далила упала назад, растерянно хлопая глазами. Игорь сел рядом и взял ее за руку.

– Она умерла до приезда «Скорой», – сообщил милиционер.

Далила не сразу поняла смысла сказанных слов. «Умерла» – как-то уж сухо прозвучало, словно речь шла о чем-то обыденном. Но это же невозможно!

– Умерла... – повторила она, вслушиваясь в слово и не понимая его значения. – Умерла... Настасья умерла?

– Да, – сказал милиционер все тем же сухим тоном. – Если быть точным, вашу соседку убили. В связи с этим...

– Убили... – произнесла Далила шепотом.

Милиционер открыл рот, чтоб продолжить, но Игорь шикнул на него:

– Погодите вы! Не видите, в каком она состоянии?

А Далила откинула голову на спинку дивана, из ее глаз полились слезы. Слово «убили» дошло быстрее, чем «умерла», хотя между этими двумя понятиями не такая уж большая разница, ибо обозначают одно – смерть. Как просто и знакомо – смерть. Но внезапная смерть причиняет жуткую боль по причине своей нелепости, она как лишнее напоминание: все зыбко, неустойчиво, ненадежно, подтверждает, что смерть всегда рядом, от нее нет страховки.

Милиционер закопался в «дипломате», выудил оттуда какие-то фотографии, захлопнул крышку и терпеливо ждал, когда соседка убитой отойдет от шока. Игорь принес воды, протянул Далиле:

– Выпей.

Она посмотрела на стакан и отвела его рукой в сторону, после чего остановила взгляд на милиционере.

– Вы были дружны? – спросил тот мягче.

– Да, мы дружили. – Далила утерла нос полой халата, Игорь сунул ей носовой платок. Она высморкалась, вытерла глаза, но плакать не перестала.

– Значит, вы знаете о ней, знаете, какую жизнь вела Настасья Волкова, с кем у нее возникали конфликты и на какой почве...

– Я все о ней знаю, – прервала Далила, так как приблизительно поняла, к чему он клонит. – Настасья ни с кем не конфликтовала, больше скажу: избегала конфликтов. Она на редкость добрый и отзывчивый человек, не без слабостей, конечно...

– Что вы имеете в виду, говоря о слабостях?

– Господи, ну какие могут быть слабости у одинокой и молодой женщины? – вспыхнула Далила. – Например, мужчины. Настасья мечтала выйти замуж, искала своего суженого, не находила.

– Меняла мужчин, да? – сделал вывод он.

– Называйте это так.

– Вы всех ее мужчин знаете?

– Нет, разумеется. Мне-то зачем ее мужчины?

– Куда она вчера шла, знаете?

– А как же! У Настасьи недавно появился друг, он пригласил ее в ресторан, там и должны были они встретиться. Настасья попросила у меня платье, дубленку и шапку...

Далила запнулась, свела брови, будто что-то припоминая.

– Что с вами? – спросил милиционер.

– А? – очнулась она.

– Вы что-то вспомнили?

– Н-нет... Просто... Это я так, чисто нервное... Не обращайтесь внимания. Скажите, вы думаете, Настасью... убил кто-то из ее знакомых мужчин?

Далила задала вопрос с такой надеждой в голосе, что милиционер с минуту ее изучал, пытаясь понять, что взволновало ее помимо убийства подруги.

– Не исключено, что убил один из ее мужчин, например, из мести, – сказал он. – Но причин может быть много... Дело в том, что на разбойное нападение с целью ограбления не похоже.

– А когда похоже на ограбление? – поспешно спросила Далила, словно понятия не имела, что такое ограбление на улице. Но она выглядела очень потерянной, поэтому милиционер не удивился ее вопросу, пояснил:

– Когда с жертвы снимаются украшения, забираются деньги. С вашей подруги украшения не сняли, сумку оставили, деньги не забрали. Или убийце помешали, или причина другая. Мы и хотим выяснить, что представляла собой ваша соседка, с кем имела контакты, у кого были причины убить ее.

– Причины? Не знаю, – отрицательно качала головой Далила. – А что на ней было? Я дала ей дубленку, она дорогая, новая... не из-за дубленки ее?..

Милиционер опустил глаза на свои руки, державшие фотографии:

– Можете взглянуть на снимки?

Далила колебалась, но нашла в себе мужество протянуть руку:

– Давайте.

Первый же снимок вызвал у нее негромкий стон, Далила на мгновение прикрыла глаза, потом торопливо перебрала фотографии, не задерживаясь ни на одной. И только хлюпала носом да смахивала тыльной стороной ладони выкатывавшиеся слезы. Далила вернула снимки с убитой Настасьей милиционеру.

– На ней моя дубленка и моя шапка. Платье тоже мое.

– После соответствующих процедур вы сможете забрать свои вещи.

– Нет-нет, не хочу, не надо, – поспешно отказалась она.

Кровь не смоешь, да и напоминать вещи будут о смерти Настасьи, Далила не сможет их носить.

– Больше ничего не хотите рассказать? – пряча в «дипломат» фотографии, спросил милиционер.

– Нечего, – коротко бросила она, беспомощно взмахнув руками.

– А вы ничего не хотите добавить? – обратился к Игорю милиционер.

– Я в гостях, – сказал тот. – О Настасье мало знаю.

– Возьмите мои телефоны, – протянул карточку милиционер. – Если вам что-то станет известно, позвоните.

Игорь пошел его проводить, а Далила сидела, глядя в одну точку. Когда он вернулся, она не переменяла позы, не взглянула на него, будто ничего не слышала и не видела. Он присел перед ней на корточки, тронул за колено:

– Э-эй. О чем задумалась?

– На ней были моя дубленка и моя шапка, – проговорила она, не выходя из задумчивости.

– И что? – Игорь не получил ответа, посему помахал перед ее глазами рукой. Ага, видит его. – На ней были твоя дубленка, твоя шапка, и что?

– Знаешь, Игорек, мне пришла бредовая мысль... только ты не смейся, пожалуйста, ладно? – Получив утвердительный кивок, она с трудом выговорила абсурдную мысль: – Мне кажется... что вчера напали не на Настасью, а... а на меня.

Игорь, как обещал, не рассмеялся.

– На тебя? То есть вас перепутали?

– Да-да, – она обрадовалась, что он понял ее. – Она была в моей...

– Дубленке. Думаешь, вас легко спутать?

– Мы почти одинаковой комплекции. Ну, Настасья была чуть худее, чуть ниже ростом... это не считается. Там же темно! К тому же снег и ветер... Да, ее приняли за меня... и... и убили. А должны были меня...

– Далила, а за что тебя убивать? – Все же в его интонации чувствовалось большое сомнение.

– Понимаешь, Игорь... – подбирала она необходимые слова, отсюда излишне волновалась, покрылась алыми пятнами. – Меня не за что убивать... врагов у меня нет... вернее, нет таких, которые бы хотели меня убить. Разве что мой бывший. Но Роман на такой шаг не осмелится... я так думаю... Нет, не то. Видишь ли, со мной случились две, мягко говоря, неприятности. Недавно на меня упала глыба льда. То есть не упала, но должна была упасть... Я испугалась собаки и прижалась к стене дома, глыба упала между мной и псиной... она была большая, очень большая... глыба.

– Ну, ну, – подгонял он, внимательно слушая.

– А пару дней спустя на меня наехали молодчики. Игорь, пожалуйста, поверь, я не выдумываю, они хотели меня задавить. Если б не парень...

– Верю.

– Теперь Настасья в моей дубленке и шапке... Она убита.

И всхлипнула. Игорь подсел к ней, теперь и он задумался, потирая подбородок. Но предположение Далилы до того несуразно, что верилось с трудом. Он не стал опровергать, мол, тебе померещилось, ведь ее опасения вполне логичны, однако согласиться с нею – это подлить масла в огонь страхов.

– Ты считаешь, эти три события не случайны? – спросил он.

– Вот-вот! – воскликнула Далила. – Три случая! И все три с моей дубленкой... то есть со мной. Разве не так? Не так? Скажи, я неправильно думаю?

– Послушай меня. – Игорь взял ее за плечи и заговорил, обращаясь к ее разуму, поэтому говорил медленно, внушительно: – Допустим, это так... Подожди, Далила, сначала выслушай. Чтобы убить человека, надо иметь повод. Ты кому-нибудь сделала крупную гадость? Кого-то обокрала, кинула на миллион баксов? У кого есть повод смертельно ненавидеть тебя?

– О чем ты говоришь! – возмутилась она. – Какие миллионы баксов? Я и миллиона рублей в руках не держала. А гадость сделала одному человеку – Роману. Когда развелась с ним. Ссоры с коллегами считать?

– Если б коллеги и бывшие мужья после ссор убивали друг друга, в нашей стране уже не осталось бы ни одного живого человека. Значит, причин нет?

– Нет. Это и странно...

– А раз нет причин, чего ты испугалась? – воздействовал на нее логикой Игорь.

Далила замерла, очевидно, все еще перебирала знакомых, которые по тем или иным причинам ненавидят ее. Да тут вспомнишь и тех, с кем не поделил горшок в детском садике! Конечно, враги есть у каждого, завистники тоже, для этого не обязательно быть богатым, красивым, успешным. Враги появляются даже без повода, просто из-за скудости их души и ума. Но убивать... Игорь прав: должна быть веская причина, чтобы убить, а таковой не имеется. Она склонила голову на его плечо:

– Не знаю, может, действительно произошла случайность... Но мне страшно.

– Страшно? Посиди дома, никуда не выходи. Я поживу у тебя, и не возражай. Заодно привыкнешь к мысли, что так будет всегда. Со мной не страшно?

– Нет, конечно, – наконец улыбнулась Далила, обняла Игоря. – Ты самый, самый, самый!

– В смысле – хороший?

– Лучший, – нашла она более точное слово и снова всплакнула. – Настасью жалко. Она такая славная... у меня теперь нет подруг.

– Я буду твоей подругой, – шепнул на ухо Игорь.

Убеждая Далилу, сам он не мог обойти вопиющий факт. Три странности! Последняя закончилась убийством. Сейчас в его задачу входило любым способом унять страхи Далилы, при всем при том ей нужна мощная защита, а защиту предоставит только милиция. Игорь осторожно поинтересовался:

– Почему ты не рассказала о своих подозрениях этому парню?

– Чтоб он поднял меня на смех? Сам посуди, как он воспринял бы: тетка вообразила, будто ее кто-то упорно пытается убить. А тетка не бизнесмен, не банкирша, не бандерша. Кому она нужна, чтоб ее пришить? И потом... он неприятный, тебе не показалось?

– Обычный мент, Далила. Ты просто с ними не сталкивалась, имеешь слабое представление о них. А рассказать надо бы.

– Ага, ты все-таки считаешь, в трех случаях есть закономерность? – подловила его она.

– Я считаю, надо рассказать без каких-либо наших выводов на этот счет. Может, у кого-то крышу свернуло, менты обязаны все версии проверить. Ладно, ладно, – похлопал ее по спине. – Не переживай, все выяснится.

Зазвонил мобильник, Игорь взял трубку со стола, отдал Далиле, это был зять Серафим, который выпалил:

– Пять сто! Рост пятьдесят пять сантиметров! Богатырь!

– Боже мой! – взвизгнула Далила. – Родила? А как она?

– Спит, нам так сказали.

– Когда родила? Во сколько?

– В половине шестого утра. Извините, нам тоже не сразу сообщили... а я сначала поехал в больницу... в общем, когда вспомнил, позвонил вам...

– Спасибо, – буркнула Далила, кладя в карман телефон. – Вспомнил он в час дня! Ну вот, Игорь, я теперь бабушка, представляешь? Мне казалось, что с рождением внука произойдет

какой-то катаклизм, землетрясение там... потоп... метеоритный дождь... И я пойму, что моя жизнь резко изменилась со словом «бабушка». А ничего не произошло, все на местах.

– Смешная ты, – рассмеялся Игорь, протягивая руки к ней. – Иди, бабуля, ко мне, поздравлю.

Далила прижалась к его груди, вздохнула:

– Поехать надо к Миле...

– Как ты поедешь покалеченная? Да и Миле сейчас не до тебя. А Настасья? Ты обязана проводить ее. Поедешь позже, может, и страхи твои поулягутся.

Далила еще раз вздохнула: и радостно, и очень-очень печально.

6

Вячеслав собрался еще с вечера, теплые вещи уложил в дорожной сумке сверху, ведь на той стороне шарика – зима. А выспался за считанные часы, до завтрака наплавался в бассейне.

Самолет. Небольшой. Собственность Линдера. Внутри обстановка офисная: диваны и кресла, компьютер, телевизор. Самолет разбежался и встретился с облаками, Вячеслав смотрел в иллюминатор, Линдер и Саймон (человек-робот) занимались некоторое время бумагами. Очаровательная мулатка (была у Вячеслава одна мулаточка, сильно впечатлила, поэтому он чуть не съел глазами эту) принесла кофе в крошечных чашках. Только в Бразилии узнал вкус настоящего кофе, выпьешь глоток, и в голове происходит сотрясение – до того крепкий. Он сделал вывод, что американцы похожи на русских – пьют всякую бурду. Но вот Линдер закончил дела, повернулся:

– Вы хорошо переносите полеты?

– Прекрасно, – заверил Вячеслав. – Сэр, вы не до конца рассказали свой триллер. Простите, если бестактно лезу к вам в душу.

– Но ведь это я вас заставил слушать. – Линдер закинул ногу на ногу, взял чашку с кофе. – Помните, я очнулся в квартире Пахомова?

– Конечно, помню. Вас оглушили грабители?

– Нет. – Линдер глубоко задумался, потом сказал: – Вернее, не совсем так, но это выяснилось значительно позже...

Николай искал в памяти: что же произошло до темноты, из которой он выплыл, как из омута. Голова так туго работала, что вопрос завис, а глаза только видели. Они видели Пахомова на полу, кровь на его груди и на паркете, но не постигали виденного. Николай подошел к Пахомову, потом огляделся и заметил во второй комнате, дверь которой была распахнута, Нюшу. И она лежала на полу ступнями к нему, нелепо сложенными вовнутрь. Из-за выступающего живота он не видел ее лица, неосознанно двинулся к ней. Но когда увидел ее полностью, в голове как щелкнуло. Нюша – славная, тихая, добрая Нюша – была удушена шнуром, который обвивал ее коротенькую шею. Николая повело, словно получил удар и вот-вот упадет, он зажмурился, чтобы устоять на ногах. Устоял. Открыв глаза, кинулся к профессору, наклонился и, не прикасаясь к нему, не тормоша, понял: помощь уже не нужна.

Как это случилось? Николай сосредоточился, одна за другой вспыхивали перед глазами картины: он и Пахомов... напольные часы и стрелки, показывающие десять минут двенадцатого... Пахомов идет провожать... Николай переступил порог, повернулся, чтобы попрощаться с Пахомовым... Удар! Да, на лестничной клетке его ударили чем-то тупым и тяжелым. Он вторично потрогал затылок, посмотрел на руку – кровь. Значит, его ударили, а потом...

Николаю бросилось в глаза, что нет хрустального кубка в серебряной оправе, стоявшего на середине круглого стола. Нет аметистовой друзы с необычайно крупными и чистыми кристаллами, подаренной Пахомову его учеником. Стало ясно: здесь побывали грабители, но почему они не убили его? Или подумали, что убили, втащили в квартиру и бросили. Взгляд упал на пол, где лежала финка с окровавленным лезвием. Николай вспомнил: когда очнулся, финка находилась в его руке... Может, специально его оставили в живых?

Отчетливо вспомнились вдруг слова Тараса: «Тебя без разборок посадят, если кого нечаянно покалечишь». А тут два трупа. Кто поверит, что он, бывший заключенный, отмотавший целых восемь лет, не убивал профессора и его домработницу? Безотчетный ужас, подчинивший волю и ум, вывел Николая на улицу.

Он бежал, нет, малодушно убежал от дома Пахомова, растерявшись, как мальчишка. Бежал, ничего не видя, кроме ступней Нюши, шнура на ее шее, лица профессора, но Пахомова

видел только живым. Ноги принесли его домой. Вера не спала, ждала его, сидя на кровати в ночной сорочке и закутавшись в шаль. Она вскочила:

– Колька! Где ты был так долго? Я думала, умру... У тебя кровь?

Он опустился на стул, ссутулился. Поразительно – голова не болела. Вера налила в таз воды, сняла с него рубашку, начала смывать кровь с волос, шеи и плеч, ни о чем не спрашивала. Николай сам полушепотом, не обращаясь к ней, будто для себя рассказывал о том, что недавно видел в квартире Пахомова, говорил и говорил. Вера перевязала ему голову, молча надела на него чистую рубашку, затем пиджак, пальто, переделалась и сказала:

– Пошли.

– Куда?

– Я знаю. Коля, идем.

Она привела его к дому Тараса, постучала в окно. Да, наверное, Тарас способен помочь, решил Николай, поэтому ждал безропотно. Занавеска отодвинулась, в окне появилась Майя, исчезла, потом открыла дверь:

– Что случилось?

– Тарас дома? – спросила Вера.

– Спит.

– Буди, у нас беда.

Николаю пришлось повторить рассказ, во время которого Майя заново перебинтовала ему голову, так как Вера неумело это сделала. Поскольку Тараса подняли с постели среди ночи, он не додумался одеться, сидел в синих трусах и белой майке, периодически отпивая из графина воду. После рассказа минуты две то скреб щеку, то потирал плечи. Вера первая робко вымолвила:

– Что делать, Тарас?

Он не ответил ей, а задал вопрос Николаю:

– Тебя кто-нибудь видел, как ты входил к Пахомову?

– Я зашел в подъезд, навстречу мне спускалась женщина, она живет этажом выше Пахомова, – сказал Николай.

– Во сколько это было?

– Около восьми.

– Где финка?

Николай опустил глаза – это означало, что финку он оставил в квартире. Тарас свесил голову, думал, тяжело вздыхая.

– Прошу тебя, помоги... – дрогнувшим голосом сказала Вера.

– А не проще заявить в милицию? – подала идею Майя.

Тарас красноречиво взглянул на жену из-под насупленных бровей, мол, ну и дура ты! Не надеясь, что она поняла, дополнил словами:

– Проще, да. Стать к стенке.

– Что? – расширила глаза Вера. – К какой стенке?

– К каменной, – вяло бросил в ее сторону Тарас. – Он кто у нас? Зэк. Как он попал в лагерь, почему – не будет интересовать нашего начальника. Над ним тоже есть начальство, которое требует побед над бандами уголовников. Так вот, девчонки, он не поверит, что кто-то неизвестный огрел Викинга по голове, потом убил двух человек, а его оставил жить, сунув в руку финак.

– Доказать легко, что Колю ударили, – возразила Майя. – Это очевидно. Сам он, что ли, нанес себе такую рану?

– Ничего не поняла, – вздохнул Тарас, хлопнув себя по коленям. – Наш начальник считает: чем больше зэков вернется на нары, тем спокойнее жизнь наступит. Еще лучше – если бывших и не бывших зэков перестреляют без разбора. Ему достаточно вот такой улики, –

соединив кончики указательного и большого пальца, показал всем Тарас, – и следствие будет закончено, а финка все твои доводы перевесит. Да и довод слабенький, Майка. Говоришь, легко доказать, что Викинга ударили? Отрицать никто не будет, только вывернут иначе: профессор ударил во время самообороны. До кучи навесят на Викинга еще парочку убийств...

– Так что мне светит? – все же уточнил Николай.

– За двойное убийство? Вышак.

У Николая зашевелились волосы на голове, он подумал о бессмысленных годах, проведенных в рудниках и на лесоповале, где из человеческих радостей позволялась одна – спать шесть часов, а то и меньше. Подумал о высочайшей несправедливости, преследовавшей его долгие годы, о Вере, о том, что жизнь прекрасна и без науки, прекрасна и с относительной свободой. Он явственно ощутил, как на него надвигается катастрофа, за которой нет будущего...

– Я пойду туда и заберу финку, – вскочила Вера.

– Сядь! – процедил Тарас. – Хочешь и ты под расстрельную статью?

– Да что ты ее пугаешь? – Майка и сама задрожала, обняв Веру за плечи. – Разве сейчас женщин...

– Замолчите обе, – тихо сказал Тарас.

Вера упала на табурет, уткнувшись в живот Майе, заплакала. Тем временем Тарас надел свитер, натянул штаны, обмотал портянками ступни и сунул их в сапоги, снял с вешалки куртку и кепку:

– Иди за мной, Викинг.

Ни Майя, ни Вера не спросили, куда и зачем они идут, только обе застыли, глядя на мужей со страхом. Из сарайчика Тарас выкатил мотоцикл, завел мотор, кивнул Николаю на заднее сиденье, мол, садись. И помчался, оглашая тихие улицы ревом мотора. Остановился неподалеку от дома Пахомова, закатил мотоцикл в кусты, ведь ночь только на первый взгляд спокойна. Ночью в городе начиналась потайная жизнь, непредсказуемая и опасная, а заканчивалась с первыми лучами солнца.

– Веди к Пахомову, – сказал Тарас.

Вошли в подъезд, задержались, прислушиваясь к звукам, но тишина стояла мертвая, будто в доме никто не живет. Осторожно, замирая от скрипа собственной обуви, поднялись на третий этаж, Тарас перевел глаза на друга, молча спрашивая – какая квартира? Николай указал подбородком, не решаясь войти первым. Достав платок, Тарас взялся за ручку, открыл дверь, оба проскользнули внутрь. В квартире горел свет, как горел и тогда, когда Николай очнулся, а убегая отсюда, он не выключил электричество.

– Задерни шторы, – шепнул Тарас, тщательно вытирая ручку двери платком. – Ходи тихо, чтоб соседи внизу не услышали. Ни к чему не прикасайся...

Николай двинулся к окну на цыпочках, но на середине гостиной с опаской (а может, с надеждой) повернул голову в сторону профессора. Нет, чуда не произошло, Пахомов лежал на том же месте и в той же позе, в какой оставил его. И Нюша лежала в смежной комнате. Ничего не изменилось, ничего. Но изменения произошли в Николае, он понимал, что начался новый отсчет времени.

Он торопливо задернул шторы из тяжелой ткани, повернулся. В это время Тарас, наклонившись к полу, рассматривал паркет, махнул рукой другу – иди ко мне. Когда тот подошел, указал на капли крови, идя вдоль них.

– Это моя кровь, – пояснил шепотом Николай. – Когда меня несли в гостиную, она капала с меня...

– Или она капала, когда ты уходил, – выдвинул другую версию Тарас. – Видишь, один и тот же факт можно повернуть по-разному. Худо... – продвигаясь в согнутом состоянии в глубь квартиры, произнес он. Дошел до размазанного пятна на паркете. – Здесь лежал, когда очнулся? (Николай утвердительно закивал). Худо, Викинг. Пол паркетный, кровь в этом месте

просочилась в щели. Найди тряпку, отмой паркет от крови. Но смотри! Ты не должен оставить своих отпечатков нигде. А я подумаю, что делать с кровью в щелях.

– Не трать времени. Я вымою пол, никто не догадается, что здесь была кровь.

Невмоготу было Николаю находиться в квартире Пахомова, постоянно наткаться глазами на его труп. Он мечтал поскорее убраться отсюда.

– Девяносто процентов, что не догадаются, – не спорил Тарас. – Но десять остается, а это огромный риск. У нас эксперты хорошие! Действуй без разговоров!

Николай набрал в миску воды, смочил тряпку (не забыл вытереть кран), тщательно оттирал паркетины от своей крови. Тем временем Тарас изучал оба трупа, вдруг он позвал громким шепотом:

– Викинг! Сюда! – Николай не заставил себя ждать. Тарас стоял над трупом Ньюши, склонившись и держась руками за колени. – Викинг, гляди.

Он указал на грудь Ньюши пальцем, но Николаю пришлось наклониться, чтобы увидеть то, что заметил Тарас.

– Ничего не вижу, – сказал он.

– Возле второй пуговки.

На шерстяной кофте коричневого цвета алел кусочек...

– Это ноготь? – спросил Николай.

– Вот именно. Верхняя часть ногтя, который отломился. Ноготь женский, покрыт лаком. Длинный. У Пахомова были женщины?

– Ни разу не видел. Откуда ноготь взялся?

– Думаю, старуху либо держала, либо удавила женщина. Значит, с ними была баба...

Ноготок оставим, оставим. Чего стоишь? Иди работай.

Тарас осмотрел комнаты, из пепельницы вытряхнул окурки на газету, завернул и сунул в карман. Когда Николай закончил отмывать паркет, осведомился:

– Знаешь, где у профессора чернила?

– В кабинете.

– Неси. Да! Вытри все, до чего дотрагивался. Не той тряпкой, которой кровь смывал, дуралей! Сухой!

Николай принес чернила в бутылке, отправился стирать свои отпечатки, а разве вспомнишь, где он их оставил? Протирал все подряд. А Тарас аккуратно вылил чернила на место бывшего кровавого пятна, потом растер бутылкой новое пятно и положил ее рядом. Тряпки вместе с миской сунул в хозяйственную сумку, ее взял на кухне, уточнил:

– Ты все вытер? Чай, водку пил?

– Пил. Ньюша вымыла посуду до моего ухода.

– Тогда идем.

– А как же Пахомов, Ньюша?..

– Простят нам. Ступай вперед.

В начале пятого они благополучно покинули дом, бегом добрались до мотоцикла. Тарас сделал крюк, выехал на мост, на середине реки кинул финку в воду со словами:

– Ничего, попадутся и без этой улики.

Приехав к Тарасу, в дом вошли не сразу, сначала на огороде развели небольшой костер, сожгли тряпки и сумку, правда, мокрая ткань не хотела гореть, но и тут нашли выход: плеснули керосином. Подсовывая веткой мокрую тряпку к языкам пламени, Тарас спросил:

– Не заметил, что унесли из квартиры?

– На столе стоял хрустальный кубок, небольшой, на серебряной подставке, его нет.

– Что за подставка? Какая у нее форма?

– Кубок, как высокий бокал, а подставка в форме трех дубовых листьев.

– Нарисовать сможешь?

– Попытаюсь. Еще пропала аметистовая друза...
– Что такое друза?
– Это группа сросшихся друг с другом кристаллов. У Пахомова аметисты были величинной с мой мизинец, это камни фиолетового цвета, прозрачные.
– Тоже нарисуй. Что еще пропало?
– Не знаю. Кубок и аметисты – то, что бросилось в глаза.
– Ценности у Пахомова были?
– Были. Пять золотых монет эпохи Петра Первого, он мне показывал... может, еще что-то хранил, но я не знаю. Скажи, Тарас, они там лежат... как теперь сообщить, что их убили?

– А никак. Будем ждать, когда трупы кто-нибудь обнаружит. Чем позже найдут, тем лучше для тебя. По прошествии нескольких дней свидетели, если таковые имеются, точно не вспомнят, когда и где тебя видели. Догорит, – махнул рукой Тарас, бросил в костер ветку и пошел в дом.

Вера с Майей вскинули на мужей встревоженные глаза, но ни один не рассказал, где они пропадали, при всем при том Тарас предупредил:

– Девчонки, о сегодняшней ночи никому ни слова.
– Ты за кого нас принимаешь? – обиделась Майя.
– Я всего лишь предупреждаю. Вера, когда тебя вызовут...
– Меня? – вздрогнула она. – Куда? Зачем?

– Да все туда же, – устало проговорил он, опускаясь на табурет. – И Викинга вызовут. Он часто заходил к Пахомову, а всех знакомых профессора будут допрашивать. Викинга видели, как он заходил в подъезд, ты должна говорить... нет, стоять насмерть, что вернулся он домой в десять. Поняла?

– Поняла, – кивнула Вера. – Я не подведу.

– Теперь идите, я еще посплю часа два. Желательно, чтоб вас никто не видел из соседей. Поторопитесь, пока они спят.

Вера и Николай брели домой молча, каждый находился в своих тяжелых думах, не зная, чем обернется прошедшая ночь. Оставив мужа на лестничной клетке, Вера вошла в квартиру и судорожно отпирала дверь в свою комнату, с опаской посматривая в сторону кухни – там уже кто-то гремел кастрюлями. Она влетела в комнату незамеченной, слегка перевела дух, затем быстро переделась в домашнюю одежду, растрепала волосы. Схватив чайник, вышла в коридор и, первым делом, легонько стукнула во входную дверь, подав Николаю знак – путь свободен, тут же побежала на кухню. Но ему не повезло – соседка выползла, а обычно спала до обеда. Парася Назаровна – женщина моложавая, не без привлекательности, состояла из буклей, утрамбованных форм и румян. Нигде не работала, однако одежду носила наилучшую, какую предпочитали жены министров. Вывод жильцы сделали: спекулянтка, оттого недолюбливали ее, правда, на спекуляции она пока не попала, но заходили к ней разные люди. Парася была одинокой и соседа не обходила вниманием.

– Доброе утро, Николай Карлович, – поправив на груди кимоно в райских птицах, игриво поздоровалась Парася. – Что это вы так поздно домой возвращаетесь?

– Я выходил курить, – оправдался Николай.

– А что у вас с головой?

– Балка упала на стройке.

– Бедненький, – кокетливо повела бровями она, подступая к Николаю.

В это время из кухни, как коршун, вылетела Вера с чайником. Сузив глаза, она шла точно на Парасю, словно собиралась окатить соседку кипятком. Та мигом отступила от объекта, поплыла к кухне, бросая через плечо:

– Вы бы, Николай Карлович, починили мне замочек на браслетке, а то все только Багратионихе оказываете услуги. Вы же у нас тут один способности имеете.

– Починю, – пообещал он.

Высунула в дверную щель седую голову Раймонда Багратионовна:

– Верико, Параська пристаёт к тебе?

– Не ко мне, к Николаю, – процедила Вера, заталкивая мужа в комнату. – Дождется: я ей космы выдеру.

– Лучше мышьяку подсыпать, – дала громкий совет Раймонда Багратионовна. – Мучиться будет долго.

– А я все слышу, – появилась из-за угла Парася с зубной щеткой в руке и с белым от порошка ртом. – Стыдно вам, Раймонда Багратионовна, советы такие раздавать. В ваши-то годы, бывшей рэволюционерке! Заявлю на вас. И не ложьте больше на мой стол свои салфетки в крошках.

– Хм! – презрительно фыркнула в ее сторону Раймонда Багратионовна, гордо приподняв грузинский нос.

– Шести нет! – взвизгнуло новое действующее лицо, принадлежавшее мордастой скандалистке. – Дадите хоть раз выспаться, паразитки?

Все, квартира ожила. Николай опустил на стул у стола, свесил голову, ложиться спать уже не имело смысла.

– Из-за этой гадины чайник не вскипятила, – бухтела Вера, готовя завтрак.

Николай поймал ее, усадил на колени и уткнулся в грудь:

– Зачем ты на Параську тратишься?

– Чтоб не вертелась вокруг тебя.

– Дуреха.

– Колька... – Вера обхватила его голову руками. – Что же теперь будет?

– Не знаю...

– Считаете, я повел себя как трус? – спросил Линдер.

– Мне трудно судить, – уклонился от ответа Вячеслав. Собственно, по рассказу так и выглядело, но, учитывая обстоятельства, кто бы не струсил? – Тогда вы и решили бежать?

– Что вы! В те времена бежать из страны было равносильно смерти. Для того чтоб решиться на такой отчаянный шаг, нужно попасть в безвыходное положение, равносильное все той же смерти. Но признаюсь: мне стало страшно, я растерялся, хотя еще верил, что все обойдется.

– Пахомова быстро нашли?

– Прошло два дня, и обнаружили трупы. Где-то через неделю меня вызвал следователь, я к этой встрече был готов и рассказал частичную правду, дескать, пришел в восемь, ушел около десяти. Тем временем Тарас шерстил барахолки в поисках вазы и аметистовой друзы. Раз их забрали, то должны продать.

– Вас подозревали в убийстве?

– Хм... – невесело усмехнулся Линдер. – Хуже, друг мой, хуже.

7

Еще не открывая глаз, Мила услышала магическую тишину, ощутила покой и вспомнила: попытка позади, только после этого открыла глаза. Темнота. Значит, ночь. Мила знала, что находится в одноместной платной палате, поэтому здесь так тихо. Ей захотелось взглянуть на сына, промучившего ее столько времени, он должен быть в палате – это условие свекрови и мужа. Когда мальчик родился, Мила не рассмотрела его толком, ее сразу же потянуло в сон, стало все равно: вес сына, рост, время рождения, сам ребенок. Фразы акушерки звучали, как из потустороннего мира – откуда-то издалека, тягуче. Кто-то кричал на соседнем столе, а Мила чувствовала облегчение, которое не успело еще стать счастьем, ощущала, что уносится, но не в беспросветную дыру мук, а в дивный покой. Покой и встретил ее после длительного сна.

Она пошарила рукой по тумбочке – где-то должна стоять лампа. Нашла. Щелкнула выключателем, зажмурилась, хотя свет был неярким. Оглядев небольшую палату, задержала взгляд на кровати. Но кровать была пуста.

Мила испуганно приподнялась. Ребенка нет. В чем дело? Где он? Преодолевая слабость, она с трудом поднялась, халат нашла в шкафу. Передвигаться было нелегко, но Мила, держась за стены, вышла из палаты, так и шла к дежурной медсестре. Девушка подняла на нее глаза:

– Что вам, женщина? Врача позвать?

– Нет-нет... я... ищу сына, – сказала Мила обеспокоенно. – Он должен быть со мной в палате, а его нет... Где он?

– Как ваша фамилия? Из какой палаты? Только говорите тише, у нас послеродовое отделение, все спят.

– Я не знаю номер палаты, мне не до того было, – ответила Мила шепотом. – А фамилия моя Чибис. Мила Чибис.

Девушка посмотрела записи в журнале, поднялась:

– Ваш ребенок в боксе. Не волнуйтесь, он получил родовую травму, немного ослаб. Да и вы спали, а за ребенком нужен присмотр. Через день получите своего малыша.

– Я хочу посмотреть на него.

– Туда входить не положено...

– Хочу посмотреть на него, – упрямо повторила Мила. – Я у вас стала стерильней ваших бинтов. Пожалуйста, покажите мне сына.

– Ну, хорошо, только издали.

Мила проследовала за ней по коридору, прошли застекленное помещение, где стояло множество кроваток с младенцами и без них. Потом вошли в такое же помещение, но разделенное на две части. Медсестра попросила Милу постоять у стеклянной двери, сама же вошла во вторую часть, остановилась у кровати и указала на кокон с младенцем. Да разве устоишь? Мила открыла дверь, переступила порог, медсестра замахала на нее руками, мол, нельзя, уйдите, но молодая мамаша даже не смотрела на нее.

– Он какой-то не такой... – произнесла Мила, вглядываясь в ребенка.

– Какого родили, такой и лежит, – сказала девушка негодующим шепотом, беря Милу за плечо и подталкивая ее к выходу. – Идите, мамаша, завтра...

– Нет, – вывернулась Мила. – Почему он такой странный?

– Обыкновенный! – гневно бросила медсестра, но, чтобы успокоить мать, повернулась к ребенку, склонилась... Вдруг она ахнула, схватила Милу за локоть и вывела из младенческой палаты, затем потащила по коридору.

– В чем дело? – бесилась Мила, но, имея слишком мало сил, вырваться не смогла. – Вы обещали показать мне моего ребенка, где он?

Медсестра взглянула на нее одновременно с сочувствием, отчаянием и растерянностью. Неожиданно девушка помчалась куда-то в конец коридора. По инерции Мила шла некоторое время за ней, потом остановилась, не понимая, что случилось. Вдруг сообразила, что можно вернуться к ребенку, и только открыла дверь, как услышала топот по коридору. Медсестра и дежурный врач с заспанным лицом бежали к Миле, однако обе, оттеснив ее, влетели к младенцам, которые начали повизгивать, как котята, и кряхтеть. Обе что-то делали с ребенком – Мила не видела из-за их спин, посему неслышно вошла и приподнялась на цыпочки, но все равно ничего не разглядела.

Медсестра подхватила распеленатого младенца, увидела Милу, что-то быстро шепнула врачу и умчалась, потупившись. Врач приблизилась:

– Вы Чибис?

– Да, – сказала Мила. – Я хочу видеть своего ребенка.

– Сочувствую вам...

– Что? – не поняла она. И вдруг ее одолела злость. – Я имею право посмотреть на...

– Идемте, – сказала врач повелительным тоном, что окончательно вывело Милу из себя, она отшатнулась от врачихи, но еще сдерживалась. – Вам сделают успокоительный укол...

– Да пошли вы к черту! – процедила Мила и кинулась к кроваткам, бегала от одной к другой, разглядывая мордашки.

– Ваш ребенок не выжил, – наконец нашла подходящие слова врач. Но каково же было ее удивление, когда Мила повернулась к ней и совершенно спокойно спросила:

– Не выжил? Тот ребенок, которого унесла медсестра?

– Да.

– Но это не мой. Куда вы дели моего?

Ни истерики, ни паники, ни признаков помешательства! Тем не менее мамаша утверждала совершенно невозможное. Врач делала попытки выдворить Милу из палаты, а она упорно искала своего сына, не слушая и выскальзывая из рук, когда та хватала ее. Не нашла. Выбежала в коридор и направилась в другую палату с младенцами. Пришлось вызывать санитаров, Милу скрутили, практически отнесли на кровать, сделали укол.

Арина находилась в не меньшем потрясении, когда, придя на работу, узнала, что ребенок Чибис не выжил. Но что она могла сказать в утешение? Муж Милы Чибис, низко опустив голову, сидел без движений, без слов. Арина перевела глаза на его мать – вот от кого жди грома и молний. Тереза смотрела в окно, потирая пальцами с длинными ногтями подбородок.

– К сожалению, детская смертность – явление нередкое, – осторожно сказала Арина, будто находилась в яме со змеями и опасалась нападения с их стороны. – Остается высокой по всей стране...

– Вся страна меня не волнует, – процедила Тереза, не глядя на нее.

Арина напряглась, полагая, что начинается скандал. При всей ее любви к своей профессии, она не выносила такие минуты, когда надо говорить с родственниками умерших. Ребенка так ждали, еще не родившегося любили, это очень тяжело – узнать, что его нет. Как назло, главврач заболел, оставив почему-то Арину вместо себя, а у него разговор получается гораздо убедительней, ко всему прочему ему не так-то просто нахамить. Пока Чибис-старшая не становилась в стойку хищника перед броском, это обнадежило Арину:

– Мы не выдаем тела младенцев, чтобы избежать травмы родственников.

– Думаете, мы избежали травмы? – сверкнула глазами Тереза.

– А куда вы их деваете? – подал голос и Чибис-младший.

– У нас биологическое кладбище... – проговорила Арина.

– Ради бога, – подняла руки Тереза. – Я не хочу видеть!

– Как моя жена? – спросил Серафим.

– У нее некоторые осложнения, – потупившись, сообщила Арина. – Ей лучше побыть под нашим присмотром хотя бы несколько дней.

– Ребенок уже был под вашим присмотром, – показала клыки Тереза. – Вы случайно не загоните в гроб и его мать?

– Что с женой? – не обращая внимания на мамулю, задал вопрос Серафим.

– Ничего серьезного, но квалифицированная помощь психолога ей необходима. Вашей жене тяжелее пережить...

Арина не стала рассказывать об истинном состоянии Милы, которая требует отдать ей ребенка, что само по себе ненормально, смахивает на помешательство. Тереза встала:

– Будьте уверены, я напишу куда следует и вашу квалификацию проверят самым тщательным образом.

– Это ваше право, – отпарировала Арина.

Фыркнув, Тереза вышла. Серафим тоже поднялся.

– Извините.

Оставшись одна, Арина подошла к окну. Какой чудный день – солнечный, искристый, снег слепит глаза. Но осадок после разговора скверный...

Поминки проходили в дешевеньком кафе, расходы оплатила фирма, где работала Настасья, тем не менее Далиле пришлось на себя взять все хлопоты. У Настасьи где-то в Сибири был брат, адреса не нашла, следовательно, не сообщила ему. За хлопотами собственные боли прошли, будто ее и не таранили автомобилем. Далила носилась, как на помеле, помогал Игорь, возил ее на машине по всему городу. Финальная часть ритуала – поминки – обычно приносит относительное облегчение: трудоемкое дело завершено, ведь легче самому умереть, чем похоронить человека. Однако Далила находилась в напряжении и подозревая, что Роман с мамой обязательно пристанут к ней с разговорами, хуже того – домой к ней заглянут в качестве моральной поддержки. С Романом можно попросту: отстань, уйди. Но этого не скажешь свекрови, она-то ни в чем не виновата и не дала повода ненавидеть ее.

– Специально притащился с маменькой, – буркнула Далила.

– Ты про кого? – чуть наклонился к ней Игорь.

– Про Романа. Вот посмотришь, увяжутся за нами, придется тебе знакомиться с ними, делать вежливую мину.

– Подумаешь...

– Рома – воспитанный хам, учти.

Далила оказалась прозорливой: как ни старалась улизнуть из кафе потихоньку – не удалось. Свекровь, низенькая и сухонькая, с фиолетовыми волосами, с маникюром на старческих пальцах, словно выросла на пути:

– Милая, мне очень жаль, очень. Настасья была замечательной женщиной, всегда мне нравилась. Какое несчастье. А ты молодец...

Старушка, если смотреть с позиции «родители за детей не отвечают», – прелесть. Когда ее спрашивают, сколько ей лет, она говорит, что больше шестидесяти не дают. Кстати, не жалуется на тяжелую жизнь и маленькую пенсию, у нее разнообразные интересы, Далила с ней отлично ладила, но! По старинке она называла свекровь мамой. А мама-то одна, второй быть не может, потому что мать мужа все равно чужая и стоит на страже интересов сына. После развода стало неудобно звать ее по имени-отчеству, поэтому Далила никак к ней не обращалась, что было невероятно трудно.

– Мне тоже очень жаль, – сказала она.

А вот и незабвенный Рома возник, стрельнул глазами по Игорю и преданно уставился на утраченную жену.

– Мы тебя подвезем на такси, – предложила свекровь.

– Меня Игорь подвезет, он на машине, – отказалась Далила. – Знакомьтесь, это мой друг.

Роман не подал руки Игорю, только соизволил вежливо кивнуть, назвав имя. Свекровь же вскользь изучила «друга», поджала губы неодобрительно, у пожилых людей все написано на лице, как у детей. Она уловила, что Далила с другом поняли ее оценку, и спряталась за вопросом:

– Вы сядете за руль в нетрезвом состоянии?

– Я сяду за руль трезвым, потому что не пил, – сказал Игорь. А после следующей фразы Далила чуть не растерзала его: – Вас подвезти?

– Если не трудно, – согласилась свекровь.

Идя к машине, Далила ущипнула Игоря, дескать, какого черта ты взял их? Он лишь беззвучно рассмеялся, открыл дверцу перед старушкой:

– Прошу вас. Куда доставить?

Только по дороге она поняла тактический ход Игоря: при нем Рома с мамой не пойдут в гости, даже если Далила пригласит. На всякий случай она решила не испытывать судьбу, а то, чего доброго, согласятся. Посмотрев в зеркало заднего вида на Романа, Далила с трудом удержалась, чтоб не прыснуть – и это после похорон! С видом оскорбленного достоинства, поджав тонкие губы, Рома смотрел в окно. А чем он, собственно, недоволен? Любовь Романа распространялась исключительно на него самого, ну, еще на дочь, а место жены было в священной тени мужа. Лучшие годы она потратила на этого неласкового человека, а когда взбунтовалась, он вдруг понял, что потерял. Привык к креслу мелкого начальника на умирающей обувной фабрике, функцию руководителя выполнял и дома. Не он ли теперь из чувства собственности или из мести задумал уничтожить строптивую жену физически? Вопрос: что получит в случае ее смерти, кроме ничтожного морального удовлетворения? Квартира и содержимое отойдут Миле, других богатств у Далилы нет. Чепуха, Роман обожает комфорт и не любит рисковать, он даже не рискнул внедрить новую линию на фабрике, чтобы выгрести из рутины, решил: сойдет и так. А убийство – это огромный риск.

Попрощались. Мама засемила к дому. Роман не поплелся за мамой, попросил Далилу на два слова. Не хотела с ним разговаривать, но отошла от машины.

– Позвони Серафиму, – сказал он до того обиженным тоном, что Далилу едва не прорвало расхохотаться. – Там не все в порядке.

– Что значит – не все в порядке? – переменялась в лице она.

– Позвони.

И побежал вслед за мамочкой, именно второй мамочки ему не хватало всю жизнь. Далила терпела Романа по одной причине: отец он хороший, и Милка любит его, пожалуй, больше, чем ее, так ведь морально недоделанных всегда любят больше, они вызывают жалость. Возвращаясь к машине, она набирала номер, услышав зятя, начала с обычной фразы:

– Это твоя теща. Что там у вас?

– Да ничего...

– Не юли. Твой тесть загадочным тоном доложил, что не все в порядке. – Пауза. – Серафим, в чем дело?

– Он не выжил.

– Кто? Мой внук?! Внук не выжил?!!

– Да. Извините, я не говорил, потому что...

– Мила как? – перебила Далила. В ситуациях «все плохо-плохо» она умеет концентрироваться и собирать волю в кулак.

– Мила еще в больнице...

Далила опустила руку с телефоном на колени, замерла.

– Что случилось? – Игорь тронул ее за плечо.

Она не ответила, а набрала номер:

- Роман, ты знал? Я спрашиваю: ты знал, что ребенок умер?
- У тебя были тяжелые дни, связанные с похоронами, я просил Серафима повременить...
- Какого черта не сказал мне?
- Тебя пожалел. Мила все равно никого не хочет видеть, тебя тем более.

– Ты был уродом, уродом и остался! – прорвало ее на крик. – Ничего не понял за нашу совместную каторгу. Моя жизнь принадлежит мне, а не тебе или Миле, когда-нибудь и она это поймет. В такой момент я, мать, должна помочь ей, – она отключила телефон. – Игорь, поехали на вокзал, мне нужно взять билет.

- Я поеду с тобой, – разворачивая автомобиль, сказал Игорь.
- Не стоит. Я сама.

Места были только плацкартные, верхние. К тому же в плацкартных вагонах расстояние между второй и третьей полкой до того маленькое, что Далила не рискнула лезть со своей ушибленной спиной, которая давала еще о себе знать. Купила билет на следующий вечер, зато успеет собраться.

Мила приоткрыла дверь, долго вглядывалась в пустоту полутемного коридора. Потом выскользнула из палаты и тихонько двинулась к сестринской комнате, это была ее третья вылазка за сегодняшнюю ночь. Предыдущие два раза окончились неудачей, но Мила не отчаивалась: не всегда же дежурные медсестры торчат на месте. Однако за стеклянной загородкой сестринской комнаты о чем-то тихонько переговаривались две девчонки. Опять неудача. Мила хотела повернуть и предпринять новую попытку через часок, но ее заметила одна из девушек, уставилась вопросительно. Пришлось подойти, чтобы не вызвать подозрений своим появлением:

- Извините, я не могу уснуть. Не дадите мне снотворного?

– Сейчас, – сказала черноокая высокая девушка, взяла со стола несколько ключей и пошла к комнате, где хранились лекарства. Мила вошла за ней, стала у стены, внимательно следя за медсестрой. Пока та перебирала упаковки на полках шкафчика, созрел более совершенный план. Взяв таблетку, Мила поблагодарила и вернулась в палату, села на кровать, обдумывая новый план.

Через час она опять двинула к дежурным медсестрам, на этот раз ни одной не было на месте. Мила влетела в застекленную комнатушку, изучила глазами стол... Есть. Ключи у настольной лампы. Взяв ключи, Мила ринулась к комнате с лекарствами, открыла ее, быстро вернулась и положила ключи на место. После снова вошла в комнату с лекарствами, тщательно закрыла дверь и включила свет. Стараясь не шуметь, но действуя с торпедной скоростью, она нашла несколько упаковок со снотворным, вытащила одну, выключила свет и выглянула в коридор. Никого. Мила рванула к себе, упаковку снотворного сунула в косметичку, косметичку – в тумбочку и легла на кровать, держась за сердце, которое выпрыгивало из груди. Конечно, можно было купить снотворное в аптеке внизу, но это глупо. Итак, первый этап осуществлен, теперь надо дождаться следующей ночи.

8

– Простите, сэр, – обратилась к Линдеру мулаточка. – Нью-Йорк не принимает, сильный туман.

– К какому аэропорту мы сейчас ближе? – спросил он.

– Майами.

– Запрашивайте. Ну-с, господин Алейников, вы бывали в Майами?

– Не приходилось, – ответил Вячеслав, подразумевая, что на Майами у него никогда не было мани.

– Там очень красиво, но я люблю Бразилию.

Это Вячеслав заметил. Накренившись, самолет сделал разворот и полетел на юго-восток. Ну а Линдер продолжил:

– Как и говорил Тарас, меня вызвали к следователю. Разумеется, я волновался, хотя мы замели следы. Но не предполагал, что у следователя меня ждут два удара...

Губин курил папиросы, Николаю не предложил закурить, впрочем, хорошо, что не предложил, заметил бы трясущиеся руки. Этот пятидесятилетний мужчина с пронизательными глазами, явно выдавший на своем веку много всего, внушал доверие, однако Николай знал по опыту, какими коварными бывают следователи. Вопросы задавались обычные: как давно Линдер знает Пахомова, чем профессор занимался вне института, с кем дружил, с кем враждовал и так далее. Выслушав ответы, Губин выдвинул ящик стола, взял лист и кинул на стол:

– Прочтите.

Николая словно обухом ударили все по тому же месту – голове.

«Довожу до вашего сведения, что Николай Карлович Линдер пробыл у профессора Пахомова четырнадцатого октября с восьми вечера до двадцати минут первого ночи».

И все. К счастью, ни слова о том, что он вернулся к Пахомову, к тому же не один! Николай, сглотнув комок в горле, молча положил лист на стол, а следователь, закуривая очередную папиросу, спросил:

– Что скажете?

– Кто это написал? – задал Николай встречный вопрос.

– Вы же видели: подписи нет.

– Это поклеп. Я вернулся домой примерно в десять.

– Кто подтвердит?

– Жена.

– Кто еще?

– Я не знал, что мне придется доказывать, во сколько пришел домой, поэтому не стучался во все двери нашей коммуналки.

– Кто-нибудь видел вас, когда вы уходили от Пахомова?

– Нет. Но видели, когда я пришел к нему. Соседка сверху.

Следователь пронизывал его глазами, Николай выдержал, не моргнув, хотя ему казалось, что тот про него уже знает все.

– Зачем вы ходили к Пахомову? – был следующий вопрос.

– Поговорить. Он знал еще моего отца...

– Ваш отец был расстрелян...

– А какое это имеет отношение к Пахомову и тому, что произошло?

– Вы длительный срок отбывали наказание, – остался глух следователь. – За что?

– Мой самолет сбили, я попал в плен на три дня, потом наши освободили, я вернулся в часть, продолжил воевать. А после войны меня отправили в лагерь...

– После того как вы избili особиста, – уточнил следователь.

– Не избил. Я дал ему в морду за оскорбление, когда он назвал меня предателем. Вы бы не дали в морду?

– Угу, – покивал следователь, зажав в зубах папиросу. – Скажите, когда вам стало известно, что Пахомов написал донос на вашего отца? И от кого вы узнали?

Николаю показалось: он ослышался. Но в полупустой комнате слова прозвучали отчетливо, рассыпались в разные стороны, оттолкнулись от выбеленных известкой стен и эхом влетели в уши второй раз. Он наклонил голову, слушая звук, похожий на раскат грома, и едва выговорил потрясенно:

– Пахомов написал донос?.. Это ложь.

– Это правда.

– Это ложь. Пахомов был другом нашей семьи, он помогал нам после смерти отца, потом опекал мою мать, когда я воевал и сидел... Он похоронил ее.

– Можете прочесть копию доноса. Со смертью Пахомова, у которого не осталось родственников, этот документ не является тайной.

Всего несколько строк, отпечатанных на машинке, где значилось, что Карл Линдер недоволен политикой партии, ее руководителями и положением в стране.

– Здесь тоже нет подписи, – выдал Николай, возвращая лист.

– Это не меняет дела. Донос был написан Пахомовым.

– Зачем вы мне показали донос? Чтоб я возненавидел Пахомова? Увы, ваша цель не достигнута. Я не верю бумажке, которую состряпали кое-как и выдают за документ. Пахомов не мог этого сделать.

– Понимаете, Линдер, как бы вы ни отрицали существование доноса, он есть. А это значит, что у вас был мотив убить доносчика.

Стечение обстоятельств против Николая, он очутился перед пропастью, и не было ни одного шанса не упасть туда. Но человеческая природа запрограммирована на выживание, посему мозг Николая лихорадочно искал выход. Стало очевидным: если сам не подсуется, не узнает, кто убил Пахомова с Нюшей, то именно он ответит за чужое преступление.

– Серьезное обвинение, – проговорил Николай, находясь в поиске доказательств своей невиновности. И прежде всего следовало убедить в этом Губина, от этого зависела жизнь. – Вы не допускаете, что ошибаетесь?

– Я пока не обвиняю, а подозреваю.

– Это одно и то же. Не найдете убийцу, возьмете меня, ведь так?

– Я имею право взять вас под арест сейчас до выяснения...

– Неужели думаете, я такой дурак? – распалился Николай от бессилия и безвыходности. Но доводы необходимо привести. – Зачем мне убивать Пахомова в тот же вечер, когда меня видели, как я шел к нему? Почему я не убил его раньше, если узнал, что он написал донос на отца? Почему не подкараулил его и не убил где-нибудь на темной улице, когда он возвращался домой? Получается, я сделал все, чтоб меня поймали? Покажите мне хоть одного преступника, не продумавшего свои действия. Никто не хочет на нары, тем более к стенке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.